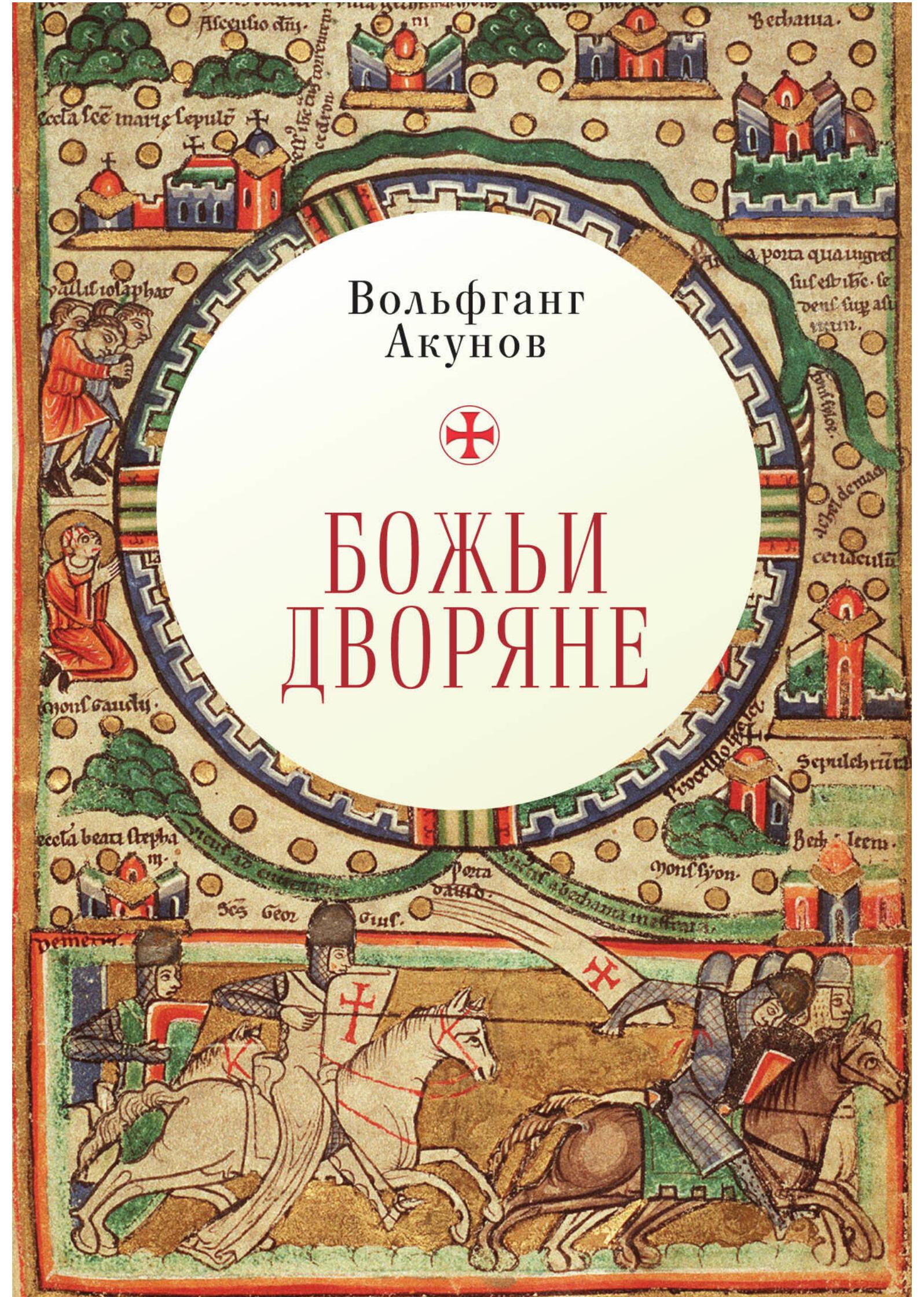


Вольфганг
Акунов



БОЖЬИ ДВОРЯНЕ



Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма

Вольфганг Акунов

Божьи дворяне

«Алетейя»

2018

УДК 94(4)"1096/1270"
ББК 63.3(0)4

Акунов В. В.

Божьи дворяне / В. В. Акунов — «Алтейя»,
2018 — (Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма)

ISBN 978-5-907115-19-4

Есть необыкновенная, не объяснимая рассудочными доводами, притягательность в идее духовно-рыцарского, военно-монашеского, служения. Образ непоколебимо стойкого воина Христова, приносящего себя в жертву пламенной вере в Господа и Матерь Божию, воспет в знаменитых эпических поэмах и стихах; этот образ нередко овеян возвышенными легендами о сокровенных, тайных знаниях, обретенных рыцарями на Востоке в эпоху Крестовых походов, в которую возникли почти все духовно-рыцарские ордены. Прославленные своей ратной доблестью, своей загадочной, трагической судьбиной рыцари Христа и Храма, госпиталя и Святого Иоанна, Святого Лазаря, Святого Гроба Господня, Меча и многие другие предстают перед читателем на страницах новой книги историка Вольфганга Акунова в сложнейших исторических коллизиях, конфликтах и переплетениях той эпохи, когда в жестоком противостоянии сошлись народы и религии, высокодуховные устремления и политический расчет, мужество и коварство. Сама эта книга в определенном смысле продолжает вековые традиции рыцарской литературы, с ее эпической масштабностью и романтической непримиримостью Добра и Зла, Правды и Лжи, Света и Тьмы, вводя читателя в тот необычный мир, в котором молитвенное делание было равнозначно воинскому подвигу, согласно максиме: «Да будет ваша молитва, как меч, а меч – как молитва»...

УДК 94(4)"1096/1270"
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-907115-19-4

© Акунов В. В., 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

Зачин	7
«Латиняне» в Леванте	10
1. Как это все начиналось	10
2. Христианские паломники и Крестовые походы	16
2. 1-й Крестовый поход (1096-1099 гг.)	22
3. Нарастание трудностей	28
4. Битва у «рогов» Хитгина.	30
5. Последствия битвы у «рогов» Хитина	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вольфганг Акунов
Божьи дворяне. Документы и материалы
древней и новой истории Суверенного
Военного ордена Иерусалимского храма

*Светлой памяти
моего отца,
приобщившего меня к миру рыцарства*



Под редакцией действительного члена Академии военных наук, профессора
Александра Шаравина

Зачин

*Никто из нас, братья, не сын отца,
Усопшего мирно на ложе.
Мы молим: И нам такого конца
Не дай, милосердный Боже!
Мы всю нашу жизнь мечтаем прожить
По-рыцарски, на вольной воле,
И голову нашу в сражении сложить
С врагами Христа в чистом поле.
Пред гибелью мы им покажем свой нрав!
Оплакивать нас не надо!
Смелее! Мы правы, а враг наш – не прав!
Рубите его без пощады!*

Вольфганг Акунов.
Песня Бертрана.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь.

Нам не представляется возможным дать адекватное описание истории военно-монашеских (духовно-рыцарских) Орденов даже в самом сжатом очерке, не описав, как проходили Крестовые походы. Ведь именно Крестовые походы, это крупнейшее совместное предприятие стран Западной Европы, имевшее своей целью отнюдь не агрессию, а восстановление статуса-кво перед началом исламской экспансии середины VII в. после Рождества Христова (далее – п. Р. Х.), явились колыбелью большинства духовно-рыцарских Орденов.

Единственным исключением являлся Орден госпитальеров-иоаннитов, основанный еще задолго до их начала, не позднее 20-х гг. XI в. (а отнюдь не в 1099 г., вопреки пышно отпразднованному современным папским Мальтийским Орденом якобы «900-летнему юбилею» иоаннитов!), однако именно Крестовые походы оказали решающее воздействие на его превращение из странноприимного братства в военный Орден. Основанный в качестве благочестивого сообщества для ухода за паломниками и больными, он превратился в рыцарский Орден, главной задачей которого стала длившаяся на протяжении столетий борьба против исламского врага, нападавшего на христианские государства, образовавшиеся в ходе Крестовых походов.

На раннем этапе своей истории эти Ордены являлись скорее неформальными рыцарскими братствами, (подобными аналогичным рыцарским братствам Святой Земли, членство в которых, да и само существование которых носило для большинства входивших в них «братьев» скорее временный, чем постоянный характер – братства Святых Андрея и Петра в Акконе, братство граждан города Пизы, общеитальянское братство Святого Духа, английское братство Святого Эдуарда Исповедника, Акконское странноприимное братство Святого Иоанна и Святого Фомы и др.; из учрежденного в Святой Земле братства Святого апостола Иакова впоследствии возник одноименный духовно-рыцарский Орден, о котором будет подробнее рассказано ниже) оборонявшими небольшие пограничные крепости, или, точнее, укрепленные пограничные заставы, обозначавшиеся арабским словом «рибат».

Но довольно скоро братства стали приобретать все больше черт военно-монашеских Орденов, живших по достаточно строгим и обязательным для всех своих членов Правилам (Статутам, Уставам).

Здесь представляется уместным указать на следующее обстоятельство. Слово «Орден» (по-латыни: Ордо, ordo) означает в переводе на русский язык буквально «порядок», «сословие», «строй» или «чин». Так, например, выражение «все чин-чином» означает: «все в

надлежащем порядке». Сразу бросается в глаза не только созвучие, но и смысловое соответствие слова «Орден»-«ордо» (от которого происходят аналогичные слова других индоевропейских языков – английское «ордер», немецкое «Орднунг», Ordnung, французское «Одр», ordre, итальянское «Ордине», ordine, испанское «Орден», orden, португальское «Ордем», ordem, и т. д.) тюркско-монгольскому слову «орда» (или «орта»; так, например, отряд в войске турецких янычар назывался «орта»), исконное значение которого – «ставка правителя (военачальника)», «военный стан», «военный лагерь» или «боевой порядок (строй)». Это одно из древнейших слов, вероятно, позаимствованных в незапамятные времена кочевыми племенами – предками тюркских и монгольских племен – у древних иранских (арийских) кочевников, своих соседей по Великой Степи («Ариана Вэжа», «Арьянам Вайджа», «Арийский Простор»), наряду, например, со столь же древним словом «богатырь»-«батор»-«баатар»-«багадур» (происходящим от древнего арийского слова «баг(а)» – «Бог»); «богатырь» – человек, одаренный Богом силой, отвагой и доблестью; «богатый», «богач» – человек, одаренный Богом большим имуществом. Впрочем, довольно об этом...

Рыцари-монахи (а если говорить обо всех членах Орденов, то воины-монахи) этих орденских братств обладали, с точки зрения эффективности борьбы с мусульманами, целым рядом преимуществ перед светскими рыцарями и светскими воинами-крестоносцами.

Во-первых, они постоянно проживали в своих крепостях-монастырях, возведенных на тех территориях, границы которых они были обязаны охранять.

Во-вторых, они приносили обеты бедности и безбрачия, поэтому, не имея необходимости заботиться о собственном имуществе, семье и детях (которых не имели), могли всецело посвятить себя (наряду с молитвами) военному делу.

В-третьих (что немаловажно), рыцари-монахи, в силу самого своего казарменно-монастырского аскетического образа жизни и воспитания, отличались особенно пылкой верой (в наш атеистический век ее называли бы, конечно, «христианским религиозным фанатизмом»!) были идеально подготовлены к борьбе с мусульманами (магометанами) с точки зрения «духовной», или «политико-идеологической».

Впрочем, говоря об «аскетическом» образе жизни, ассоциирующемся в наших сегодняшних представлениях с образом схимника или монаха-затворника, истощенного постоянным постом и молитвами, мы не должны забывать об исконном значении слова «аскеза», означающего по-гречески «военная подготовка» или «воинские упражнения». И здесь мы вплотную приближаемся к разгадке таинственного и даже абсурдного (на первый взгляд!) феномена военно-монашеских Орденов.

Что общего может быть, на первый взгляд, у монаха, чье дело – молиться за весь грешный мир, с воином, являющимся, казалось бы, убийцей (то есть, заведомым грешником) «по определению», или, так сказать, «по профессии»?

Между тем, молитвенное делание, по слову Святого апостола Павла, приравнивается к воинскому. И это далеко не случайно. Ибо церковь апостольская всегда была и остается церковью воинствующей. И по единодушному мнению Отцов церкви все христиане – как молящиеся, так и ратоборствующие против неверных с мечом в руках, относились к одному и тому же типу «воинствующего человека».

Виднейший из древних Отцов Западной Церкви – блаженный (у римских католиков – Святой) Августин, епископ Гиппонский (Иппонский) – еще в V в. п. Р. X. сформулировал принцип взаимодополняемости: с одной стороны – те, кто в тишине молитвы духовным оружием поста и молитвы борется с невидимыми бесами (духами зла, «аггелами сатаны»); с другой – те, кто железным оружием на поле брани защищает молящегося от «видимых бесов» – иноверцев и еретиков.

И тех, и других блаженный Августин считал защитниками Христианского мира от врагов видимых и невидимых. Характерным в данной связи представляется дошедшее до наших дней

послание блаженного Августина некоему Вонифатию (Бонифацию) – христианину и римскому воину, усомнившемуся в необходимости и возможности для человека, исповедующего веру в Христа, Который есть Любовь, воевать с другими людьми, хотя бы и не просвещенными светом истинной веры, ранить и убивать их:

«Итак, другие (священники и монахи – В. А.), вознося молитвы, сражаются с невидимым противником. Вы же (воины – В. А.), те, за кого они молятся, сражаетесь с оружием в руках против видимых варваров».

Мы видим, что наряду со сравнением, уравнивающим «бесов» и «варваров» (врагов Христианской Римской империи), демонизирующим противника Христовой Веры, блаженный Августин утверждал, что война и ратный труд столь же священны, сколь и молитва, а молитва – военное действие.

Правоту сказанного вполне подтверждают и анналы церковной истории, из которых явствует существование еще со времен священной христианской древности тесного военно-духовного союза между «чином воинским» и «чином святительским» (употребляя терминологию царя Иоанна Грозного, используемую им в переписке с князем Андреем Курбским).

Конечно, времена теперь иные. И если ранняя церковь считала себя воинством Христовым (лат.: *militia Christi*), народом Божиим, поголовно мобилизованным на брань (борьбу) с врагами видимыми и невидимыми, то многие современные христиане предпочитают определять себя и свою веру в «терапевтических» терминах, видеть себя не воином, призванным на многотрудную службу, а пациентом в госпитале или лазарете.

Разумеется, ни одна армия не обходится без походного госпиталя или лазарета (доказательством чему служит существование военно-монашеских Орденов госпитальеров и лазаритов, чьи рыцари неустанно наносили раны неверным и врачевали раны христиан; да и Тевтонский Орден Приснодевы Марии, как уважаемый читатель узнает из настоящей книги, тоже возник в качестве госпитальерского братства), но никакой госпиталь или лазарет не может подменить собой всю армию, первейшая задача которой, все-таки – не исцеление больных и раненых, а битва с врагом и победа над ним. Поэтому все истинные христиане, души которых горят небесной приверженностью ко Христу, всегда осознавали себя находящимися не в церкви-«лазарете» (пребывание в котором могло быть лишь временным, пока не зарубцуются раны, нанесенные демоном, грехом или плотью), а в церкви-боевом стане, в церкви любви и войны.

Именно воодушевленные этим духом ревности о Господе Христе воинские контингенты духовно-рыцарских Орденов составили костяк профессиональных армий королевств, основанных крестоносцами в Сирии и Палестине (Святой Земле, или Земле Воплощения), Пруссии и Либонии, а также испанских королевств (Кастилии, Леона, Арагона, Майорки и Наварры) и Португалии.

В этой связи необходимо хотя бы вкратце упомянуть и об историческом развитии отнятых мусульманами у Христианского мира силой меча территорий, возвращение которых под власть христиан являлось целью Крестовых походов.

Прежде всего, попытаемся дать краткий абрис исторического развития в Леванте (то есть на Ближнем, Переднем и Среднем Востоке).

«Латиняне» в Леванте

«Выступят порождения драконов Аравийских на многих колесницах и с быстротою ветра понесутся по земле, так что наведут страх и трепет на всех, которые услышат о них».

3-я книга Ездры, 15. 29.

1. Как это все начиналось

С появлением пророка новой, крайне воинственной, религии, ислама – это слово в переводе с арабского означает «покорность» (Богу) – Магомета, или, точнее, Мухаммеда (буквально: «достохвального»); так был прозван своими арабскими последователями житель города Мекки Абу аль-Касим бен Абдалла(х) ибн Абд аль-Муталлиб ибн Хашим из древнего рода Хашимитов, или Гашимитов, входившего в племя корейшитов) изменились весь ход истории и весь облик Леванта.

Ислам наложил на все предшествовавшие ему древние культуры и народности Востока, и, после утверждения своего господства над ними, дал им новый Закон, изложенный в Коране. В 622 г. Христианской эры произошло бегство (арабск.: Хиджра) Мухаммеда из его родного города Мекки (где ему угрожала кара за проповедь нового вероучения) в город Ятриб (Медину), издавна конкурировавший с Меккой (не зря говорят, что нет пророка в своем отечестве). А к моменту смерти Магомета в 632 г. Христианской эры (или 10 г. Хиджры, по новому мусульманскому летоисчислению) пророк, окруживший себя необычайно фанатичными и храбрыми людьми, порвавшими ради него все семейные и родоплеменные связи, был уже повелителем всего Аравийского полуострова. Его воины (охваченные религиозным пылом «провозвестников нового мира» и уже имевшие многолетний опыт службы в войсках соседних государств, с которыми теперь вознамерились воевать) устремили свои взоры как на зороастрийский Иран, так и на христианский Запад, намереваясь нести на остриях мечей учение своего пророка и туда. Халиф (наместник пророка) Омар, друг и советник Мухаммеда, в 638 г. вступил в Иерусалим.

К изложенному выше следует добавить еще одно соображение. Принято говорить о «зеленом знамени ислама» или «зеленом знамени пророка Мухаммеда», под которым якобы арабы-мусульмане, завоевав множество христианских и иных земель, создали свою державу – Халифат. Но, говоря о знамени пророка Мухаммеда (которое носил и возил за ним верный и бессменный знаменосец Абу-Айюб, или Абу-Эйюб) и знаменах его преемников-халифов (да и вообще об арабских знаменах), следует проводить четкое различие между 2 типами боевых знамен, один из которых назывался у арабов «лива», а другой – «райя». Название «лива» носил личный штандарт предводителя (шейха) арабского войска (после принятия ислама – пророка Мухаммеда, а впоследствии – его наместников-халифов), название же «райя» (буквально – «стадо», «паства», чьим «пастырем», или «пастухом», выступал предводитель) – знамя войска, которым он командовал. Так, например, «лива» предводителя арабского племени корейшитов (упоминавшегося выше родного племени пророка Мухаммеда) представляла собой 2 черных прямоугольных вымпела с округлыми концами, прикрепленные к древку на некотором расстоянии один над другим, а «райя» корейшитов – белое прямоугольное полотнище с золотой каймой, усеянной белыми кружками, и 2 черными косицами по краям. «Райя» арабского племени Бену Гассан – прямоугольное трехполосное красно-желто-красное полотнище с белой каймой. «Райя» гадрамаутских арабов – белое прямоугольное полотнище с зеленым полумесяцем, желтой каймой и 3 косицами – 2 черными по краям и 1 белой посредине. Если верить

некоторым источникам (например, книге В. О. Шпаковского «Рыцари Востока»), то «лива» пророка Мухаммеда представляла собой черное, с белой каймой по краям, прямоугольное полотнище с 2 черными косицами по краям, а его «райя» – 2 белых прямоугольных вымпела с округлыми концами, прикрепленные к древку на некотором расстоянии один от другого. «Райя» первых сподвижников пророка – «праведных халифов» – представляла собой 3-полосное черно-желто-черное прямоугольное полотнище с белой каймой (обрамлявшей не только края знамени, но и отделявшей друг от друга его верхнюю черную, среднюю желтую и нижнюю черную полосы) и с 2 желтыми косицами на конце средней желтой полосы (при этом желтая полоса была на 2 трети шире верхней черной полосы и на треть шире нижней черной полосы). «Лива» халифа Муавии I представляла собой древко с прямоугольным красным вымпелом, под которым на некотором расстоянии был укреплен такой же формы и такого же размера белый вымпел (оба вымпела имели на конце по 2 косицы). Но это так, к слову...

По авторитетному мнению Л. Н. Гумилева, мусульманская религия представляет собой, в сущности, вариант раннего, дособорного христианства, почерпнутого мекканцем (и, соответственно, провинциалом) Мухаммедом из разговоров с караванщиками и купцами, приходившими в торговые города Аравии и, в том числе, в его родную Мекку, из богатых мегаполисов тогдашнего средиземноморского мира – метрополий Восточной Римской (Ромейской, или Византийской) империи – Пальмиры (древнего Тадмора), Антиохии и Иерусалима. То христианство, которое они проповедовали, было особой христианской ересью – савеллианством, или учением Павла Самосатского (проповедью строгого единобожия, согласно которому Иисус был человеком, пророком, но не Богом Сыном, единосущным Богу Отцу) и модализмом (учением о проявлении Единого Бога в разных лицах – в отличие от утвержденного Никейским Вселенским собором христианской Церкви учения о Нераздельной и Неслиянной Божественной Троице). Это лжеучение было отвергнуто еще Никейским собором, но сохранилось и после Никейского собора в Сирии и Аравии. Приняв эту христианскую ересь за подлинное христианство, Мухаммед и вообразил себя проповедником истинной веры в Бога Ибрагима (Авраама), Исхака (Исаака) и Якуба (Иакова), искаженной как современными ему талмудистами-иудеями, так и христианами господствующей у ромеев-византийцев православной Церкви (в ту пору православную веру исповедовали христиане не только Востока, но и Запада; разделение христианской церкви на римско-католическую и греко-кафолическую, или греко-православную, произошло лишь в 1054 г., да и после этого официального акта взаимного отлучения от церкви папы римского и Патриарха Константинопольского, еще долго носило формальный характер).

Говоря об исламе как религии и об изначально присущем этой религии стремлению к экспансии, необходимо учитывать следующее обстоятельство.

С точки зрения ислама весь обитаемый мир подразделяется на 3 «области»:

- 1) «Дар-уль-Ислам»;
- 2) «Дар-уль-Харб»;
- 3) «Дар-ас-Сульх».

Это 3 «области», модель которых определяет 3 «подобласти», особый правовой, морально-нравственный и гуманитарный режим действий.

«Дар-уль-Ислам» – это область, в которой проживает мусульманская община (умма). В этой области все устроено в соответствии с Божественными установлениями («волей Аллаха»).

«Дар-уль-Харб» – это область, в которой мусульмане живут под властью немусульман («кяфиров» или «гяуров», то есть «неверных»). Там (выражаясь современным языком) «не действует обычное международное гуманитарное право». Война в этой области ведется по особым законам. Пленных не берут. Дозволено брать в заложники женщин, детей и стариков и торговать ими.

«Дар-ас-Сульх» – область, в которой (пока) нет мусульман. В отношении этой области следует в течение 10 лет соблюдать перемирие, после чего необходимо рассмотреть, что делать с данной территорией, как ее захватить и освоить.

В эпоху, предшествовавшую периоду Крестовых походов, христианская Европа стояла перед крайне опасной (для всякого верующего христианина, озабоченного не только земным существованием своей брэнной телесной оболочкой, но и спасением своей души) перспективой постепенного освоения и захвата мусульманскими завоевателями.

К 700 г. Сирия, Палестина, Египет и Северная Африка (принадлежавшие православной Восточной Римской, или Византийской, империи) оказалась под властью арабов-мусульман, сломивших сопротивление византийских войск и североафриканских берберских племен. Сообразив, что надо дать выход энергии с трудом подчиненных берберов, арабские завоеватели бросили их на завоевание христианской Испании под командованием полководца Тарика. Через 11 лет арабы и обращенные в ислам берберы («мавры») захватили обширные территории в Испании, а в 20-е гг. того же VIII в. мировая мусульманская держава (Халифат) уже простиралась от Пиренеев и Луары до Индии и Китая. При разделе мусульманами испанских земель берберы получили самые плохие земли в бесплодных горах, под тем предлогом, что берберы – горцы, тогда как арабы заняли плодородные долины. В результате отношения арабов с берберами оставались крайне напряженными, вплоть до того, что некоторые берберы после начала Реконквисты (отвоевания испанскими христианами своей земли у «мавров») стали переходить на сторону христиан. Но это так, к слову...

В 732 г. Христианской эры домоправитель (майордомус или майордом) франкского короля Карл Мартелл с величайшим напряжением сил разгромил в битве при Пуатье войско перешедшего Пиренеи арабского вали (правителя) Испании Абд ар-Рахмана. Хотя мусульмане еще долгое время после этого нанесенного им поражения продолжали терроризировать своими набегами христианскую Европу (в особенности – Италию, которую постоянно опустошали, чуть не взяв в 846 году сам «вечный город» Рим на Тибре), шок от неудачи при Пуатье настолько врезался им в память (вероятно, даже на генетическом уровне), что они впредь стали называть всех западных христиан (именовавшихся «латинянами», поскольку богослужение у них велось на латыни – разговорном языке западной части некогда единой Римской империи), противостоявших им на полях сражений, «франками» (со временем на развалинах распавшейся Франкской державы образовались Франция, Германия, Италия и ряд других европейских государств, некоторые из которых существуют и поныне).

Почти одновременно, в 751 г., экспедиционному корпусу арабского полководца Зияда ибн Салиха удалось, при поддержке тюркского племени карлуков (обратившихся в ислам), нанести поражение армии китайской империи Тан и положить конец претензиям китайцев на Среднюю Азию, превратившуюся в мусульманский регион (хотя и не сразу).

В результате всех этих завоеваний и побед адептов веры Мухаммеда, западная граница «державы правоверных» – арабского Халифата – в VIII в. от Рождества Христова отстояла от ее восточной границы на более чем 10000 миль, значительно превышая по своим размерам все предшествующие ей в мировой истории великие державы – Древнеперсидское царство Ахеменидов, государство Александра Македонского, Сирийское царство Селевкидов, Парфянское и Кушанское царства, Римскую империю и Новоперсидскую державу Сасанидов (Эраншахр, или Иран).

В завоеванных и исламизированных ими в первую очередь силой меча (и уж во вторую очередь – силой проповеди) странах мусульманские завоеватели столкнулись с высокоразвитыми культурами, которые были ими сохранены и использованы себе на потребу. Речь шла о древнейших в мире культурах, слившихся воедино благодаря влиянию древних греков и римлян, и позднее заложивших основу всей христианско-европейской культуры и цивилизации. Один из крупнейших культурных центров Древнего Мира и раннего Средневековья распола-

гался в Междуречье (между реками Тигром и Евфратом), другой – в Египте. Территории, расположенные между ними, являлись желанным яблоком раздора между господствовавшими в Леванте державами. Это состояние могло оказаться для них чрезвычайно опасным в случае, если бы Междуречье (Месопотамия) и Египет оказались под властью одной державы, проводящей единую политику.

Во все времена, как тогда, так и ныне, Палестина в такой ситуации оказывалась как бы между 2 жерновами. Сегодня мы даже не можем представить себе, насколько богатой и процветающей была эта неоднократно перемалываемая беспощадными жерновами истории страна, некогда текшая, по выражению папы римского Урбана II, «млеком и медом», поскольку ее хозяйство, вследствие многочисленных войн, не прекращающихся и поныне, пришло за последние столетия в глубокий упадок, причем оказалась практически уничтоженной древняя оросительная система, а население было поставлено на грань вымирания. В эпоху поздней Римской империи в этой нынешней «священной пустыне» располагалось бесчисленное множество древних городов с сотнями тысяч жителей.

Уже тогда в Сирии и Палестине существовали блестящие университеты – центры утонченного образования, унаследовавшие культуру и науку поздней Античности. В византийскую эпоху даже земли вокруг нынешнего Багдада были населены христианами – как православными, так и верующими, принадлежавшими к другим древним христианским церквям. Армения, Месопотамия (Двуречье, или Междуречье), Палестина, Сирия и Египет были землями, на которых раньше всего утвердилось христианство.

Как писал Л. Н. Гумилев в своем известном «Апокрифическом диалоге», арабы в VII—VIII вв. расправлялись с персами, армянами, испанскими вестготами, берберами, а согдийцев – культурный и богатый народ – уничтожили так, что от них остались только реликты в недоступных горах Гиссара и Западного Памира.

Но, хотя исламское завоевание не обошлось без неизбежных в таких случаях жестокостей, новые владыки Леванта очень скоро приспособились к изменившейся ситуации и всего через несколько поколений полностью растворились в местном населении. До самого начала эпохи Крестовых походов в Леванте существовало бесчисленное множество мелких государств, не имевших между собой ничего общего, кроме магометанской веры и арабского языка. Этот официальный государственный и священный язык, на котором велось судопроизводство и был записан Коран, объединял все исповедовавшие ислам народы от Индии до Испании и превращал их всех в «арабов» – членов единой мусульманской общины (упомянутой выше «уммы»), независимо от происхождения и даже разговорного языка.

На Западе всех мусульман именовали «магометанами» (по основателю их религии Мухаммеду-Магомету), «сарацинами» (по названию одного из мелких арабских племен, известного еще древним римлянам и игравшего определенную роль в бесконечных войнах между Римом, с одной, и аршакидской Парфией, а позднее – сасанидской Персией, с другой стороны), «агарянами» (в честь Агари – наложницы библейского патриарха Авраама, или Ибрагима, родившей ему сына Измаила) или же «измаильтянами» (в честь вышеупомянутого Измаила, считавшегося прародителем всех кочевых племен Аравийского полуострова).

У мусульман было то, чего тогда так не хватало христианскому Западу – чувство единства и относительно спокойного существования. На протяжении столетий мирной жизни во многих мусульманских, или сарацинских, землях культура достигла высочайшего расцвета. Жители мусульманских городов – потомки арабских завоевателей, слившиеся с насильственно исламизированным местным населением – стали настолько изнеженными, что предпочитали вести военные действия руками наемных воинов (преимущественно тюркского происхождения).

В эти издревле густо населенные земли постоянно совершали вторжения все новые чужеземные завоеватели, приходившие чаще всего из глубин Азии. Однако, осев на завоеванных территориях, они, как уже было сказано выше, в скором времени утрачивали свой воинствен-

ный дух. Знамя пророка (какого бы оно ни было цвета – зеленого омейядского, черного аббасидского или белого фатимидского), выпав из ослабевших рук арабов, удивительно быстро давших развратить себя благами цивилизации, было подхвачено руками омусульманившихся персов, берберов, тюрок, курдов и других народов, утвердивших его «у стен недвижимого Китая», на жарком полуострове Малакка и островах Индонезии, на берегах древней реки Ра-Итиль среди волжских булгар и в других, весьма отдаленных от Мекки, местах. Жители мусульманского Леванта обладали превосходным вооружением, что не удивительно, ибо они были знакомы со всеми видами металлов и металлообработки. Им давно был известен и порох (через китайцев), хотя они еще не использовали его для стрельбы.

Подобно «франкским» рыцарям, сарацинские «фарисы» носили панцирные рубашки, под которые поддевали двухслойные стеганные войлочные куртки. Огромной популярностью пользовались спортивные состязания всех видов, упражнения с оружием, скачки и поединки между всадниками, покрытыми броней. По мнению некоторых исследователей, турниры были переняты западным рыцарством именно от сарацинских «фарисов» в эпоху Крестовых походов (так же, как сами арабы в свое время переняли их у персидских витязей Сасанидской эпохи), в то время, как в предшествующую эпоху под словом «турнэ» на Западе понимали не воинские ристания, не поединки с оружием, а обычные конные состязания, вроде скачек.

К X в. п. Р. X. политический распад некогда единой духовно-светской державы мусульман – Арабского Халифата – стал свершившимся фактом (то же самое фактически произошло и на христианском Западе с основанной Карлом Великим и возобновленной Оттоном Великим Священной Римской империей). За халифами осталась, главным образом, духовная власть над формально по-прежнему считавшейся единой «нацией ислама» – «уммой», реальная же политическая власть перешла в руки султанов.

Слово «султан» – арабского происхождения и означает «единство власти». В священной книге мусульман Коране слово «султан» используется для обозначения отвлеченного понятия власти как таковой. Именно в этом смысле следует понимать приписываемое пророку Мухаммеду изречение (хадис): «Султан есть тень Бога на земле, и у него ищет убежища всякий обиженный».

Впоследствии однако султаном стал именоваться в мусульманском мире всякий представитель светской власти, в противоположность имаму (религиозному авторитету).

Впервые слово «султан» в этом новом, персонифицированном, смысле, было употреблено историком Табари по отношению к Муваффаку, брату халифа аль-Мутаида (876).

После 946 г. Христианской эры, когда мусульманские военачальники-шииты иранского происхождения – Буиды – лишили багдадских халифов из Аббасидской династии (правивших под черным знаменем) светской власти, сделавшись при них наследственными верховными главнокомандующими всех войск Халифата, «султанами» стали называть всех светских правителей, независимо от размеров контролируемой ими территории. Сами Буиды, фактически превратившие арабский халифат Аббасидов, от которого откололись Египет (с Северной Африкой) и Испания (там образовались собственные халифаты – Фатимидский халифат измаилитов в Египте и Северной Африке под белым знаменем и Кордовский халифат наследников прежней династии Омейядов в Испании под зеленым знаменем), в возрожденную (на новой, мусульманской основе) Иранскую державу (Эраншахр), присвоили себе старинный титул персидских владык из династии Сасанидов – «шахиншах ал азам» (по-арабски: «малик ал-мулук»), то есть «царь царей» («император»).

С середины XI в. п. Р. X., когда туркменские племена-огузы (ставшие известными под именем турок-сельджуков), свергнув власть Буидов и заняв их место светских владык при бесчисленных аббасидских халифах Багдада, установили свою власть в большей части Арабского Халифата (после чего, в свою очередь, достаточно быстро иранизировались), «султанами» стали называть себя только главы независимых династий (например, династии Сельджукидов),

в то время как их родственники и вассалы должны были довольствоваться более скромным титулом «царь» (по-арабски: «малик», по-персидски: «шах»).

Скажем теперь несколько слов о взаимоотношениях между христианами Леванта и мусульманскими завоевателями. Чем дольше адепты этих двух религий жили бок о бок друг с другом, тем большую терпимость они проявляли друг к другу. Дело зашло так далеко, что практически все государственные должности (кроме должности «кадия», то есть судьи, оставшейся привилегией исключительно мусульман) оказались доступными для исповедника любой религии. Мусульманские владыки имели даже визирей (первых министров), исповедовавших иудейскую веру. Поэтому приток христианских паломников в Иерусалим, не иссякавший никогда, долгое время был желанным для мусульман – хотя бы из-за денег, получаемых ими от паломников.

В XI в. христианские святыни Иерусалима посещало до 20000 паломников ежегодно. Порой в магометанских городах даже строили новые христианские церкви. Многие христианские монастыри пользовались среди мусульман (все более проникавшихся, с момента прихода к власти иранизированных Аббасидов, духом иранской культуры винопития) большой популярностью, поскольку монастырские виноделы занимались распивочной торговлей запретным для магометан вином. С другой стороны, мусульмане нередко тоже совершали паломничества и посещали христианские церкви поклониться выставленным там реликвиям.

2. Христианские паломники и Крестовые походы

Глубинный смысл паломничества в Святую Землю заключается в стремлении христиан посетить места земной жизни Спасителя. Паломничества начались еще в самую раннюю эпоху существования христианства. Паломники (пилигримы) прибывали в Палестину из всех стран, где только существовали христианские общины. Слово «пилигрим» происходит от латинского слова «перегринус», то есть «странник». Соответствующее ему русское слово «паломник» – от обычая странников в Святую Землю привозить оттуда пальмовые ветви, которые они затем хранили под образами и с которыми ходили, вместо заменявших их в холодных северных странах ветвей вербы, в церковь в День Входа Господня в Иерусалим (известный на Руси в просторечии как «Неделя Вайи», или «Вербное воскресенье»).

Огромное значение для всего христианского мира имело паломничество в Палестину Святой равноапостольной Елены, матери римского императора Константина I Великого, основателя Константинополя – новой имперской столицы на Босфоре. Царица Елена не только посетила все места земной жизни и деятельности Христа, но и немало способствовала распространению почитания святых мест среди христиан Римской империи. Она оказалась, так сказать, самой удачливой археологом античного мира, ибо в поисках реликвий Страстей Господних по приказанию царицы был раскопан Голгофский холм – место казни Спасителя – и были удалены все постройки, закрывавшие Живоносный Гроб Господень.

Дело в том, что древнеримский император Адриан, подавивший второе антиримское восстание иудеев (132-135 гг. н. э.), приказал насыпать поверх Голгофы террасу и построить прямо над Гробом Господним языческий храм богини Венеры (Афродиты). Но проживавшая в Иерусалиме древнехристианская община не забыла, где расположено место, на котором разыгралась Божественная драма. Благодаря тому, что эта изустная традиция оказалась сохраненной, Святая Елена смогла произвести свои раскопки в нужном месте. Чтобы сделать Гроб Господень доступным взорам всех христиан, Святой равноапостольный царь Константин повелел построить над Живоносным Гробом молитвенный дом, позднее превратившийся в Храм Гроба Господня. Невзирая на все превратности судьбы, Храм Святого Живоносного Гроба Господня на протяжении тысячелетий остается главной святыней всех христиан мира. Не удивительно, что именно ей в первую очередь и стремились поклониться паломники в Святую Землю.

Однако императрица Елена обрела еще и другую реликвию, обладавшую величайшей ценностью в глазах всех христиан – Святой Истинный Крест (лат.: *Vera Crux*), на котором Христос Сам принес себя в жертву за страждущее человечество. Неподалеку от скального грота (кувуклии) были найдены 3 креста с гвоздями. Нашедшие их не сомневались в том, что обрели в их числе и Истинный Крест. Радость обретших кресты была поистине неопишуемой, тем более, что они были уверены, что определили среди 3 крестов Истинный. Все это, конечно, легенды. Исторические корни обретения Святого Истинного Креста скрыты во мраке времен. Императрица Елена послала частицу Истинного Креста своему венценосному сыну в Константинополь, а большую часть Креста, оправив ее в серебро, отдала на сохранение в Храм Живоносного Гроба Господня.

С тех пор эта реликвия, наряду с самим храмом Гроба Господня и с другими святынями, стала предметом почитания и поклонения всех христиан Востока и Запада. В истории Крестовых походов она играла совершенно выдающуюся роль. Так, например, в решающей битве армии Иерусалимского королевства с султаном Египта и Сирии Салах-ад-Дином (Саладином) при Хиттине (Хатине) в 1187 г. епископ Акконский нес ее перед всем христианским войском, пока она не попала в руки сарацин после сокрушительного поражения армии крестоносцев.

Когда арабы-сарацины в 637 г. отняли Палестину у василевсов (царей, т. е. императоров) православной Византии, паломничества к святым местам не прекратились. Правда, сарацины

переделали некоторые церкви в мечети и подвергли христианский культ определенным ограничениям, однако они не чинили никаких препятствий христианским паломникам.

И лишь в 969 г., когда власть над Египтом и Палестиной перешла к халифам измаилитской (то есть еретической, с точки зрения правоверных мусульман-суннитов, и даже якобы имевшей иудейское происхождение) династии Фатимидов (поднявшим над своими владениями белое знамя), последние стали препятствовать паломничеству христиан в Святую Землю. Христиан начали притеснять, угнетать, а с паломников к святым местам взимать специальный налог. Так, в 1009 г. египетский халиф-измаилит Хаким приказал разрушить православный иерусалимский Храм Живоносного Гроба Господня.

В связи с этим кощунством папа римский даже выступил с проповедью священной войны против мусульман (хотя вообще-то идея священной войны – «джихада» – была изначально свойственна не христианскому, а как раз мусульманскому вероучению). Затем (после бесследного исчезновения безумного халифа Хакима) положение христиан в Святой Земле снова несколько облегчилось, но только на время, пока из Центральной Азии в Палестину через Багдад не вторглись туркмены, именовавшиеся, в честь своего первого предводителя Сельджука, турками-сельджуками.

Именно появление в Земле Воплощения турок-сельджуков и связанные с их вторжением сложности, возникшие перед христианскими паломниками, послужили непосредственным поводом к началу Крестовых походов. Подлинным шоком для всего христианского мира стала судьба крупнейшего паломничества XI в., проходившего под предводительством архиепископа Майнцского и епископов Бамбергского, Регенсбургского и Утрехтского, за которыми в Святую Землю последовало от 7000 до 12000 паломников. В соответствии с давней традицией, пилигримы не имели при себе никакого оружия. Воспользовавшись этим, сельджуки напали на беззащитных паломников и ограбили их, а многих ранили и даже убили.

И тогда в возмущенных христианских сердцах и умах зародилась мысль о необходимости вырвать из рук неверных землю, освященную земным пребыванием Спасителя.

К тому же Иерусалим был важен для христиан не только как место страданий и Гроба Спасителя, но и с учетом их мистических представлений об Иерусалиме Небесном. Последний как бы отбрасывал на земной Иерусалим небесный отблеск Горнего Мира. Менее образованные крестоносцы попросту ассоциировали Иерусалим Земной с Иерусалимом небесным, то есть с раем. Побывать в Иерусалиме, а тем более завершить там свой жизненный путь, означало для них побывать в раю, или попасть в рай после смерти. Насколько эта кажущаяся сегодня многим из нас странной идея привлекала поначалу лишь мирных паломников, а затем и вооруженных пилигримов-крестоносцев, со всей очевидностью явствует из дошедших до нас слов проповеди, произнесенной епископом Венецианским Энрико перед своими земляками, собравшимися 25 июня 1100 г. у Живоносного Гроба Господня.

Епископ напомнил пилигримам о чувстве безграничной благодарности, которой каждый христианин должен испытывать к Господу, который выполнил в отношении Новозаветного народа Божия обетования, данные Им народу Божию в Ветхом Завете: «... ибо ныне вступили мы в Святыню Господа, однако что пользы в том, чтобы войти в Иерусалим земной и в рукотворный Храм, если христиане не станут также частью общины Иерусалима небесного, незримого Храма Царства Божия...».

Существовало, впрочем, еще одно обстоятельство, имевшее огромное значение. Одновременно с захватом турками-сельджуками власти над Палестиной христианская Византия подверглась нашествию кочевых тюркских орд племенного союза канглы – пацинаков (пацинакитов), или баджанакров (известных русским под именем «печенегов», которых византийцы на манер античных эллинов именовали, по старой памяти, «гуннами» или даже «скифами»), и нападением воинственных горных племен, которым она оказалась не в состоянии сопротивляться. Попавший в безвыходное положение восточно-римский император Алексей I Комнин

обратился к папе римскому Урбану II (1088-1099 гг.) с предложением возобновить переговоры о церковной унии (объединении, или, выражаясь точнее, воссоединении) Византии с Римом. Соответствующее письмо константинопольского василевса римскому папе сохранилось в архивах Ватикана. При этом византийский самодержец, однако, стремился прежде всего получить с Запада военную помощь.

На Западе же эпоха классического христианского религиозного сознания приближалась к своему апогею. Власть и авторитет папства укреплялись от папы к папе. Они начинали свои послания – ни много, ни мало! – словами: «Мы, Святой Петр (!!! – В. А.), повелеваем...»! В конце концов, папа римский Иннокентий III (1198-1216 гг.) почувствовал себя достаточно могущественным для того, чтобы сделать следующее заявление:

«Господь предал во власть Петра не только всю Церковь, но и весь мир». С той поры папы римские, как символ этой двойной, духовной и светской, власти, стали носить тиару с двойной короной.

При папе римском Григории VII (1073-1083 гг.) этот процесс вступил в свою решающую фазу. Григорий (в миру – Гильдебранд) бывший монах бургундского Клунийского монастыря, центра реформ, направленных на обновление и упорядочение Западной Церкви, призванный папой Львом IX (1049-1054 гг.) в Рим, стремился к осуществлению идеи Царства Божьего на земле под руководством папы римского, требуя ото всех духовных и светских властей безусловного подчинения папе, как наместнику (викарию) Христову на земле. Его целью было устройство христианского сообщества таким образом, чтобы руководство им осуществляла только папская власть.

Сам папа римский Григорий VII формулировал свою мысль следующим образом: «Апостольская (папская – В. А.) власть подобна солнцу, а королевская власть – луне. Подобно тому, как луна светит отраженным светом солнца, так императоры, короли и князья властвуют лишь по воле папы, а папа – по воле Божьей. А посему власть папского престола неизмеримо больше власти тронов. Король ниже папы, подчинен ему и обязан ему послушанием, ибо папа наместник самого Бога по воле Божьей, и все подчинено ему».

В 1075 г. был обнародован так называемый Папский диктат, содержащий 27 статей, согласно которому только папе римскому принадлежало право назначения, смещения и перевода с одной кафедры на другую епископов, разрешения правовых споров, созыва церковных Соборов, суда и наложения на императора и князей церковных наказаний, освобождения подданных от присяги верности императору или князю (в случае вступления таковых в конфликт с папской властью; последнее на языке папских декретов именовалось «неправедностью!»), возложение на императора короны и других знаков отличия. Согласно Диктату, никто не имел права судить папу, а все князья должны были целовать его башмак в знак того, что только папа римский является «наместником (заместителем) Иисуса Христа на Земле», или даже «Вице-Христом» (лат.: Vice-Christus)!

Согласно утверждениям папы Григория VII, все государи являются непосредственными вассалами апостольской кафедры (римской курии, или папского престола), из рук представителя которой получают на ленных началах княжеское, королевское и императорское право, принося папе римскому ленную присягу. Таким образом, монархическая власть лишалась всякого наследственного характера, и ни один император или король не был вправе передавать свою власть по наследству, если против этого возражала римская курия.

Папа римский Бенедикт XI, не менее властный и амбициозный, чем Григорий VII, даже появлялся перед верующими, опоясанный мечом и с золотыми шпорами, предшествуемый монахом, несшим 2 меча, как символы высшей светской и духовной власти папы римского над всем миром, под возгласы: «Вот, здесь два меча!» (Лк. 226 38), и обращался к пастве со словами: «Аз есмь кесарь, аз есмь император (лат.: Ego sum Caesar, ego sum Imperator)»!

При коронации королей христианского Запада читалась булла папы Бонифация VIII «Unam Sanctam», в которой говорилось:

«Итак, оба меча находятся в обладании Церкви, и духовный, и материальный. Но второй должен употребляться за Церковь, а первый – Церковью; один рукой священника, другой – рукой царей и воинов, но по приказанию Церкви в покорность ей. Надобно ведь, чтобы один меч был под другим, и светская власть подчинялась духовной... Духовная власть должна устанавливать земную и судить ее, если она окажется недоброй... Посему, если уклонится с правильного пути земная власть, ее будет судить духовная. Поистине римскому первосвященнику подчиняется всякое человеческое существо, и мы объявляем, утверждаем, определяем и возвещаем, что сие необходимо для спасения (души – В. А.)».

Этим претензиям римских пап на абсолютную верховную духовную и светскую власть, однако, изначально противостояли претензии королевской и императорской власти, носившей сакральный характер еще со времен Константина I Великого. Именно при этом римском императоре (которого, как основателя «Нового Рима» – Константинополя, именовавшегося на Руси Царьградом или Цареградом – с полным правом можно считать подлинным создателем Восточной Римской, то есть Византийской империи) была разработана теория Христианского государства.

На первом, созванном по воле Святого Равноапостольного царя Константина, Никейском Вселенском соборе была провозглашена идея о Римской империи (тогда еще единой) как Христианской Державе и о римском императоре как носителе не только верховной светской, но и верховной духовной власти. С тех пор – то есть задолго до римского папы! – римский (а позднее – восточно-римский, император-автократор) официально рассматривался своими подданными, в том числе и духовного звания, как наместник Бога на земле.

После формального восстановления Западной Римской империи франкским королем Карлом Великим в 800 г., претензии на подобное же отношение со стороны своих подданных стали высказывать и имевшие германское происхождение императоры так называемой «Священной Римской империи», а затем – пришедшей ей на смену «Священной Римской империи германской нации» (лат.: *Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae*)... Правда, восточно-римские императоры (василевсы-автократоры) не признавали претензий Запада на римское наследие, ссылаясь на то, что воин из племени скиров (или герулов), гунн по отцу Одоакр (Отакер, или Оттокар), начальник германских телохранителей последнего западно-римского императора Ромула Август(ул)а, сместив его с престола в 476 г., заставил римский сенат официально постановить, что западной части Римской империи (формально продолжавшей считаться единой, что символизировалось 2 головами имперского римского орла на одном теле!) отныне не нужен собственный император, и что Римская (Ромейская) держава, после 100 лет разделения, вновь имеет только одного и истинного императора – на Востоке, в Новом Риме, то есть в Константинополе!

После принятия сенатом Первого, или Ветхого, Рима данного судьбоносного постановления, Одоакр, удовлетвовавшись для себя «скромным» званием правителя Италии – под верховным главенством константинопольского императора, – отослал тому в «Новый Рим» отнятые им у Ромула Август(ул)а знаки императорской власти – диадиму (венец, или корону) и багряницу (пурпурную мантию), заявив при этом, что «как на небе есть только одно солнце, так и на земле должен быть только один император – владыка всех народов». Таким образом, 476 г. п. Р. X., воспринимаемый нами как «год падения Западной Римской империи», воспринимался современниками событий, наоборот, как год восстановления целостности и единства Римской империи!

Правда, неблагодарный восточно-римский император Зенон (Зинон) уничтожил Одоакра руками своего союзника, ост(ро) готского короля Теодориха (Феодориха), но и последний, в течение всего своего правления в Италии (493-526 гг.), правил именем константинопольского

императора, чеканил на своих монетах его изображение и на всех публичных надписях ставил свое собственное имя только после императорского.

При восточно-римском императоре Юстиниане I Святом (прозванном также Великим), строителе Софийского собора в Константинополе, правившем в I половине VI в., был положен конец владычеству готов в Италии, присоединенной к империи. «Первый (Ветхий) Рим» был снова подчинен «Второму (Новому) Риму» – граду Святого Равноапостольного царя Константина.

Вместе с Италией он оставался частью священной Христианской империи, пока римские папы, обуреваемые жадной властью, не пришли к мысли о необходимости противопоставить Константинополю и Восточной Римской империи, как законной преемнице Древнего Рима и хранительнице истинной, Православной веры, свою собственную, западную «антиимперию» во главе с франкскими королями.

Свергнув законную династию франкских королей Меровингов, чей основатель и первый король франков Хлодвиг (Хлодовек, Хлодовик или Кловий; впоследствии французские историографы стали считать его «первым королем французов» под именем «Людовика (Луи, Луиса) I», хотя официальным титулом всех королей Франции вплоть до Луи (Людовика) - Филиппа из Орлеанской династии, свергнутого в 1848 г., оставался титул «короля франков» (лат.: rex francorum!) основывал свою власть на титулах римского патриция и консула, полученных им от восточно-римского императора, приславшего ему из Константинополя корону и багряницу, помазанный на царство галльским духовенством, подчиненным православному Патриарху Константинопольскому, и проводил политику в интересах (Восточной) Римской империи, узурпаторы Каролинги, в лице Карла Великого, короновались из рук папы римского царским венцом (императорской короной) Западной Римской империи – короной давно не существующей державы, воссоединенной с Восточной Римской империей постановлением римского сената за 3 с половиной века перед тем! Папа римский Лев III на Рождество Христово 800 г. провозгласил в римской базилике Святого Петра короля франков Карла «римским (а не франкским – как сказал бы Пушкин, «дьявольская разница»! – В. А.) императором Карлом Августом».

Так потомок узурпаторов франкской королевской короны, не имевших в своих жилах королевской крови, стал обладателем римского императорского титула, упраздненного римским же сенатом еще в 476 г.! Причем Карл получил этот несуществующий титул из рук римского епископа, который этим титулом абсолютно не вправе был распоряжаться! Тем не менее, преемники Карла Великого, западные («латинские» – ибо официальным языком их государства и богослужения считалась латынь – «язык Вечного Рима») императоры германского происхождения, рассматривавшиеся своими подданными как наследники и правопреемники владык древней Христианской Римской империи, считали себя вправе требовать решающего голоса не только в светских, но и в чисто религиозных вопросах, рассматриваемых западным духовенством в качестве своей безусловной прерогативы.

Символическим выражением этих претензий западных императоров было их елеопомазание в алтаре («восьмое таинство») и возложение на них епитрахили (столы) – части священнического облачения – при коронации, или «помазании на царство», что подчеркивало духовно-священнический аспект императорской власти. В этом своем «первосвященническом» качестве западные «римские» императоры совершали инвеституру (назначение) имперских епископов и аббатов (игуменов, т. е. настоятелей монастырей), вручая последним перстень и посох.

Вследствие столкновения претензий римских пап и императоров Запада одновременно на верховную светскую и духовную власть, между ними произошел конфликт всемирно-исторического значения – так называемый «спор об инвеституре». Своего пика этот конфликт достиг в момент, когда папа римский Григорий VII был объявлен низложенным римско-гер-

манским императором Генрихом IV на Вормсском синоде в 1076 г. и, в свою очередь, отлучил императора от Церкви.

2. 1-й Крестовый поход (1096-1099 гг.)

Столкновения между римскими папами и римско-германскими императорами продолжались на протяжении десятилетий, поэтому крестоносное движение, организованное по инициативе папы, первоначально не нашло большого отклика в германских землях. Римско-германский император и вельможи его империи были всецело заняты внутренними распрями. Бесконечные волнения в собственной стране не позволяли им участвовать в вооруженных «паломничествах» в Святую Землю.

Совсем иначе повел себя король французский. Он охотно откликнулся на папский призыв, но не мог внести в крестоносное предприятие особо существенного вклада из-за ограниченности сил и средств, имевшихся в его распоряжении. Территория тогдашних владений французских королей ограничивалась лишь центральной и северо-восточной Францией. Бургундия и Лотарингия входили в «Священную Римскую империю (германской нации)», а весь Запад сегодняшней Франции – во владения английских королей из Анжуйской династии Плантагенетов.

С наибольшим воодушевлением на призывы папского Рима откликнулись различные государства, основанные норманнами в Северной Франции, Англии, Ирландии, Южной Италии и на Сицилии. После проведения подготовительного Собора в Плацентии (Пьяченце), куда также прибыли из Константинополя посланцы василевса Алексея I Комнина с просьбой о военной помощи против «сарацин» (упомянутых нами выше омусульманившихся турок-сельджуков и тюркского кочевого племени язычников-печенегов), представлявших к описываемому времени смертельную угрозу для самого существования «Второго Рима» на Босфоре, папа римский Урбан II произнес на Клермонском соборе 27 ноября 1095 г. крылатые слова: «Так хочет Бог!» (лат.: «Deus vult»), по сей день остающиеся девизом Ордена рыцарей Святого Гроба Господня.

Добровольцы, пожелавшие отправиться в вооруженное паломничество, стали, по инициативе папы Урбана, высказанной на Клермонском соборе,шивать себе на одежду кресты из цветной ткани. Впервые в истории Средневековья большая группа мирян стала носить на одежде единообразный опознавательный знак. Это нововведение сохранилось по сей день, как в военной, так и в гражданской сфере.

Знак Креста стал первым знаком принадлежности к единому войску и выражением решимости участников Крестового похода умереть на пути к Святому Граду Иерусалиму или довести дело его освобождения от власти неверных до победного конца. С тех пор крест считался отличительным знаком христианского ополчения, воинства (*militia*), под которым в описываемую эпоху на Западе подразумевалось, прежде всего, рыцарство, в связи с его тогдашней решающей ролью в военном деле. Согласно воспоминаниям современников, некоторые крестоносцы даже татуировали или выжигали себе знак креста на лбу, груди и правой руке.

В этом они подражали первым христианам, которые нередко наносили на себя крест, имя или монограмму Христа, изображение рыбы, якоря (символ спасения и надежды) и ягненка (Агнца Божия). Христианские татуировки часто делались в тех землях, где был возможен переход в иную веру – например, в захваченных турками областях христианской Европы. И даже сейчас эфиопы и копты (египетские христиане), находящиеся в окружении мусульман, наносят себе татуировки в виде креста на запястье. По сообщениям арабских путешественников, тюрки-кочевники в VI—VII вв., под влиянием проникших в их степные пределы христианских миссионеров (преимущественно – изгнанных из Восточной Римской империи еретиков-несториан, о которых у нас пойдет речь далее), рисовали или татуировали себе на лбу крест, как оберег от заразных болезней (что уже в наше время дало повод иным «ревизионерам истории» утверждать – в частности, в посвященном всемирной истории томе вышедшей в свет в 90-е

гг. XX в. Детской энциклопедии издательства «Аванта+», что, дескать, «тюрки изобрели христианство»).

Крестоносцы, отправляющиеся на освобождение Святой Земли, делали татуировки креста на лбу (а также, особенно часто, на сгибе руки) потому, что подобные татуировки гарантировали им христианское погребение после смерти в бою (ведь часто только по этим отметинам можно было опознать тело – убитых раздевали мародеры).

Использование Креста в качестве военного знака отличия служило выражением совершенно новой для того времени идеи слияния Воинства Небесного с воинством земным. Отсюда было уже рукой подать до креста орденских рыцарей-монахов, которые, со знаком креста на одежде, щитах и знаменах, указывавшим на главный, религиозный, смысл их служения, мечом защищали христианские святыни от неверных.

Призыв римского понтифика оказался необычайно успешным. Как писал хронист Уильям Мальмсберийский, в ответ на папский призыв валлийцы оставили свою охоту, шотландцы – своих вшей, датчане – свои напитки, а норвежцы – сырую рыбу, спеша присоединиться к Воинству Христову. Желавших участвовать в Крестовом походе (само это выражение появилось позднее, современники говорили о «странствиях» или «паломничествах» в Святую Землю – хотя само выражение «Крестовый поход» означает, в принципе, не что иное, как «крестный ход», то есть нечто, совершенно обычное в церковной жизни, причем не только у западных, но и у восточных христиан; при походах Великого Князя Киевского Владимира Мономаха на половцев-кипчаков русскому Православному воинству также предшествовало духовенство в ризах с крестами и церковными хоругвями, а о Галицком князе Ярославле Осмомысле в «Слове о полку Игореве», памятуя о его участии в Крестовых походах западных «паломников» сказано, что он «стреляет салтанов за землями» своими «золотыми стрелами»!) оказалось так много, что возникли серьезные проблемы с транспортировкой таких громадных масс крестоносцев. Их передовой отряд, фактически не имевший над собой единого командования, был уничтожен сарацинами в Малой Азии.

Главное войско паломников, ядро которого составляли отряды герцога Нижней Лотарингии (Брабанта) Готфрида Бульонского, потомка Карла Великого, и его брата Балдуина Бульонского, переправившись через Дунай, собралось зимой 1096-1097 гг. близ Константинополя, где вождям крестоносцев пришлось принести ленную присягу православному императору Византии, как своему сюзеру, то есть верховному светскому повелителю.

Кстати, еще несколькими годами ранее принес аналогичную ленную присягу василевсу Алексею I Комнину знатный западный паломник в Святую Землю граф Роберт Фландрский, Голландский и Зеландский, оставивший, после своего возвращения из Иерусалима, в помощь православному константинопольскому автократу 500 тяжеловооруженных рыцарей из своей свиты («кельтов», по византийской терминологии), явившихся немалым подспорьем в борьбе императора Алексея с врагами Креста и святой Веры Христовой.

Между прочим, факт принесения всеми этими знатными «латинянами» ленной присяги василевсу Алексею, говорит о том, что взаимное анафематствование друг друга папой римским и Патриархом Константинопольским в 1054 г. (позднее названное «великой схизмой») вовсе не воспринималось современниками, ни на Востоке, ни на Западе, как окончательный «раскол» некогда единой Христианской Церкви на Восточную и Западную. Кстати, правильнее было бы писать не о «расколе церкви», а об «отделении» или «отпадении» западной, римской Церкви от некогда единого тела Вселенской Церкви (хотя уважаемый советский историк М. А. Заборов и позволял себе писать в своем фундаментальном труде «Крестоносцы на Востоке», которым мы все зачитывались в детстве и юности, о «православной церкви, окончательно отделившейся от римско-католической в 1054 г.», в действительности дело обстояло совсем наоборот)!

Правда, воспитанным в традициях «цезарепапизма» (то есть подчинения духовной власти светской) византийцам порой казались странными нравы и поведение западного духовен-

ства, в особенности – тех латинских клириков, что участвовали в Крестовых походах, как бы служа прообразом будущих воинственных рыцарей-монахов учрежденных в Святой Земле после ее освобождения от мусульманского ига военно-духовных Орденов (о которых еще пойдет речь на дальнейших страницах нашего повествования).

Как писала царица Анна Комнина в своей «Алексиаде»: «Представление о священнослужителях у нас совсем иное, чем у латинян. Мы (православные христиане – В. А.) руководствуемся канонами, законами и евангельской догмой: «не прикасайся, не кричи, не дотрагивайся, ибо ты священнослужитель». Но варвар-латинянин совершает церковную службу, держа щит в левой руке и потрясая копьем в правой, он причащает телу и крови Господней, взирая на убийство, и сам становится «мужем крови», как в псалме Давидовом. Таковы эти варвары, одинаково преданные и Богу и войне».

Для сравнения приведем факт, весьма многозначительный, с точки зрения разного понимания отношения христианина к военному делу на Западе и на Востоке бывшей единой Римской империи. Священник небольшого византийского городка читал проповедь своей пастве, когда в городок ворвалась сарацинская шайка. Мусульмане начали грабить дома христиан. Не теряя времени на то, чтобы снять священническое облачение, иерей схватил топор (удары обухом топора по металлической или деревянной доске-клепалу нередко заменяли в византийских провинциальных церквях колокол, являвшийся достаточно дорогим богослужебным предметом), и бросился на врагов Христа и Христианства. Священник столь усердно проредил их ряды топором, что не ожидавшие подобного отпора сарацины обратились в бегство. Какую же награду получил этот достойный иерей Восточной церкви за спасение Божьего храма и родного города? Он был осужден епархиальными властями, запрещен в служении и не только лишен возможности исполнять свою духовную миссию, но вдобавок на три года лишен возможности участвовать в таинстве причастия...

Тем не менее, отношение византийцев к западным «латинским схизматикам», в огромных количествах нанимавшихся на службу в византийскую армию и даже составлявших костяк лейб-гвардии константинопольских василевсов, именовавшейся «Этерия» (а отнюдь не «Хатьера», как ее почему-то называют современные российские военные историки Д. П. Алексинский, К. А. Жуков, А. М. Бутягин и Д. С. Коровкин на с. 207 своего фундаментального коллективного труда «Всадники войны. Кавалерия Европы». М. /СПб 2005)), т. е. «Дружина», как некогда именовалась отборная гвардия «друзей» («этеров» или «гетайров») Александра Македонского, оставалось скорее сочувственным – до самого захвата «латинянами» Константинополя в 1204 г. Хотя и в 1204 г. стены Константинополя защищали от крестоносцев-«латинян» не столько греки-ромей, сколько их западные наемники – те же «латиняне» (генуэзцы, англичане, скандинавы и прочие «кельты»). Да и впоследствии ромейский василевс Михаил Палеолог не смог бы в 1261 г. изгнать латинян из захваченного ими более чем на полвека Константинополя, если бы его не поддержали, наряду с турками, «латиняне»-генуэзцы, приславшие на помощь благочестивому православному автократу своих воинов и 50 военных галер. Впрочем, до этих событий было еще далеко. Вернемся в 1096 г.

Крестоносный энтузиазм гнал христианских паломников Готфрида Бульонского со знаком креста на правом плече все дальше вперед. Даже трудности пути не могли остановить их победного марша. К тому же василевс приказал снабжать их всем необходимым и дал им в помощь собственное войско.

Почти одновременно в Святую Землю устремились норманнские крестоносцы (через город Бари в Южной Италии) и южно-французские воины Креста во главе с папским легатом (через Далмацию). Все 3 армии соединились под Антиохией в Сирии. И тут выяснилось, что у них нет ни единого командования, ни даже желания действовать совместно. Хотя почти все предводители христианской армии находились между собой в родственных или вассально-сеньориальных отношениях, «голос крови» и вассальная верность играли «за

морем» (фр.: *outré-mer*) еще меньшую роль, чем на родине. Трудности начались с того, что Балдуин, брат герцога Нижне-Лотарингского, и его люди, самовольно отделившись от остальной армии, на свой страх и риск завладели весьма удаленным от Иерусалима, формально являвшегося главной целью похода, графством Эдессой (древней Осроеной, именовавшейся по-армянски Урфа), более 50 лет остававшимся во власти западных христиан.

Вслед за Балдуином сходную активность проявил предводитель южно-итальянских норманнов Боэмунд Тарентский, после продолжительной осады и кровопролитных боев завоевавший (для себя!) город Антиохию (3 июня 1098 г.) и основавший княжество Антиохийское. Этим победам крестоносцев способствовала деятельная поддержка «латинян» населением завоеванных ими территорий, состоявшим, в основном, из христиан (мусульмане стали численно преобладать среди населения Леванта лишь после массового истребления ими христиан во второй половине XIII в. (о чем пойдет речь далее). Новые господа придали своим заморским владениям привычную западноевропейскую форму. «Франкские» рыцари Балдуина и Боэмунда получили в лен новые земли и расселились по всему Переднему Востоку, не думая о продолжении похода на Иерусалим.

Вследствие подобных «кровопусканий», остаток войска Готфрида, вознамерившийся продолжать поход на Иерусалим, оказался столь незначительным, что возникли сомнения в возможности отвоевать Иерусалим у мусульман без прибытия новых подкреплений из Европы. К счастью для крестоносцев, в порт Яффу (Яфо, Иоппе или Иоппию, ныне – Тель-Авив), только что захваченный Христовым воинством, прибыла небольшая, состоявшая всего из 4 кораблей, итальянская флотилия, преследуемая отрядом египетского военного флота вплоть до самой гавани. Находившиеся на кораблях генуэзцы успели не только благополучно сойти на берег сами, но и вытащить на берег свои суда и грузы.

Эти спасенные от египтян корабли оченьгодились крестоносцам. Теперь в их распоряжении оказалось достаточно дерева и других материалов для постройки осадных машин, а матросы оказались весьма опытными в этом деле мастерами. С огромными трудностями, преодолевая бесчисленные опасности, крестоносцы доставили все в свой лагерь у стен Святого Града.

В соответствии с религиозным характером крестоносного предприятия, приступу предшествовала основательная богослужбная подготовка. Не подлежало никакому сомнению, что если крестоносцам и суждено взять город, они смогут сделать это лишь в силу религиозного воодушевления и безграничного упования воинства Христова на победу правого дела. Поэтому 8 июля 1099 г. все воины Креста, босые, но в полном вооружении, взойшли крестным ходом на Елеонскую гору, а затем на гору Сион. То обстоятельство, что наблюдавшие со стен за крестным ходом мусульмане на глазах у паломников предавали поруганию кресты, еще больше распалило религиозные чувства и боевой дух крестоносцев.

Однако до самого утра 15 июля штурмующие не могли похвастать особыми успехами. Им помогло неожиданное видение. Многие узрели на вершине Елеонской горы некоего рыцаря, указывавшего осаждавшим, куда направить решающий приступ. Отряду герцога Готфрида, последовавшему указанию неведомого рыцаря (позднее говорили, что то был сам Святой Великомученик и Победоносец Георгий!), удалось, подведя к указанному месту осадную башню, взойти на крепостную стену и отогнать с этого места защитников города.

По другой легенде Готфрид Бульонский при осаде Иерусалима взглянул в небеса и увидел летящего лебедя. Белоснежная птица 4 раза облетела вокруг головы Готфрида, после чего направилась к Иерусалиму и опустилась на одну из башен городской стены. Именно через эту башню герцог Готфрид, штурмуя город, и вошел в Иерусалим со своим крестоносным войском.

Крестоносцы ворвались в город, тесня отступающих во все большем беспорядке мусульман, беспощадно убивая агарян, разя направо и налево, до самого «Храма Соломонова» (а точнее – до расположенной на месте храма мечети Аль-Акса), где они учинили такую резню,

что буквально ходили по щиколотки в крови (некоторые хронисты утверждали, что не «по щиколотки», а «по колено», иные же – что «кровь, пролитая в мечети, доходила по самые конские удила»). Несомненно, это обычное для средневековых летописцев преувеличение, типа расхожего выражения: «Кровь лилась горячими ручьями», и т. и. Но и в самом городе воины Божьи стали вести себя совсем «не по-Божески». Словно обезумев от сознания своей великой победы, благочестивые завоеватели бегали по улицам Иерусалима, убивая без разбору всех подряд – мужчин, женщин и детей. Они отпраздновали свою победу ужасающей «кровавой баней». Методы ведения военных действий крестоносцами повергли мусульман сначала в изумление, а затем в ужас. До сих пор на Востоке не было принято вести войну с такой степенью беспощадности.

С освобождением Иерусалима казалась достигнутой главная цель Крестового похода – возвращение величайших святынь христианского мира. Однако крестоносцам пришлось продолжать вести борьбу с египтянами, у которых они отвоевали Палестину. Кроме того, завоеванные «франками» (как называли на Востоке всех западных христиан, или «латинян») земли нуждались в налаженной системе управления.

Уже 17 июля 1099 г. князья крестоносцев собрались на совещание, чтобы принять решение о государственном строе своей ближневосточной державы и избрать кого-либо из своей среды правителем Иерусалимского государства. Мнения разделились. Одни выступали за теократию (феократию), то есть за своеобразное церковное государство во главе с Патриархом (которого еще предстояло избрать; греческий православный Патриарх Иерусалима уже давно пребывал в безопасном отдалении от Святого града – в далеком Константинополе). Другие предпочитали видеть во главе нового государства светского владыку – короля. В конце концов, было решено избрать и короля, и Патриарха. Это «соломоново решение», стимулировавшее внутренние распри, наряду со многими другими факторами, позднее сыграло роковую роль в судьбе Иерусалимского королевства.

Новым, независимым от Константинополя, латинским Патриархом Иерусалимским был избран капеллан (духовник) герцога Роберта Нормандского, Арнульф, а королем Иерусалимским – герцог Нижней Лотарингии, потомок Карла Великого Готфрид Бульонский. Однако Готфрид, один из немногих искренних идеалистов среди вождей 1-го Крестового похода, решительно отказался от предложенной ему чести. Лишь после долгих уговоров он согласился встать во главе Иерусалимского королевства, да и то без принятия королевского титула, ибо он, по его собственным словам, «не желал носить златой венец там, где сам Христос носил венец терновый».

Готфрид удовольствовался титулом «адвоката (защитника или охранителя) Святого Гроба Господня». По легенде, именно он первым украсил свой белый плащ ниже левого плеча изображением кроваво-красного Иерусалимского костыльного креста с 4 маленькими красными крестиками по краям, в память о крестных муках Спасителя (4 креста меньших размеров символизируют стигматы – раны на руках и ногах распятого Христа, оставшиеся от гвоздей, а большой центральный крест – рану от копья римского сотника Лонгина, пронзившего ребро Распятого, чтобы убедиться в его смерти). Во всяком случае, рыцари Ордена Святого Гроба Господня, избрав этот крест цвета искупительной крови Спасителя своей эмблемой, по сей день именуют его «крестом Готфрида Бульонского».

Правил Готфрид недолго и приложился к роду отцов своих уже 18 июля 1100 г., совершив, по собственному убеждению, величайшее дело своей жизни и прославив весь свой род на веки вечные. За неполный год правления он успел, однако, заложить основы государственного строя Иерусалимского королевства и присоединить к своим владениям, кроме Иерусалима, палестинские города Хеврон, Вифлеем, Рамлу, Лидду, Наб(у) лус (древний библейский Сихем, или Шхем, переименованный римлянами в Флавиа Неаполис, т. е. «Неаполь Флавиев», а «франками» – в Наплюзу), Тивериаду и Назарет. Главные порты страны – Аккон (Акка, Акра,

Аккра, Аккарон, Екрон, Сен-Жан д'Акр, Птолемаида), Кесария и Аскалон оставались в руках мусульман, хотя и изъявили готовность платить регулярную дань Иерусалимскому королевству.

С тех пор имя Готфрида Бульонского почиталось в христианском мире в числе имен «девяти бесстрашных», или «девяти мужей славы» (наряду с именами 3 античных героев – троянского царевича Гектора, Александра Македонского и Гая Юлия Цезаря-, 3 славных библейских воителей – пророка Иисуса Навина, царя-псалмопевца Давида и Иуды Маккавея, – и 2 образцовых воинов Христовых – короля Артура Пендрагона и императора Карла Великого).

3. Нарастание трудностей

После создания крестоносцами, в результате 1-го Крестового похода, государств в Сирии и Палестине, они столкнулись с проблемой своей малочисленности, поскольку большинство «вооруженных паломников», поклонившись святыням, возвратилось на родину, в Европу, сочтя свою миссию выполненной – ведь Иерусалим был избавлен от ига неверных. Оставшиеся оказались в ничтожном меньшинстве, грозившем потонуть среди масс мусульман. Ввиду отсутствия систематической крупномасштабной колонизации, позволившей бы изменить состав населения в пользу христиан, крестоносцы были, в долгосрочной перспективе, обречены на неудачу. К тому же метисация подрывала этническую однородность христианского населения. Но довольно об этом...

С появлением на исторической арене султана Саладина (Салах ад Дина) из курдской династии Эйюбидов (Айюбидов) – одного из наиболее выдающихся полководцев в истории ислама – резко усилилась военная деятельность мусульман, направленная против крестоносных государств. Арабский мир, раздробленный, до появления Саладина, на ряд постоянно враждовавших и воевавших между собою (порой в союзе с крестоносцами!) довольно мелких государств, был им объединен в единую исламскую державу, охватившую территорию государств крестоносцев с юга (со стороны Египта, которым Саладин завладел, свергнув власть поднявших над своими владениями белое знамя измаилитских халифов из еретической – с точки зрения суннитов, составлявших большинство мусульман – династии Фатимидов), с востока (со стороны Сирии) и с севера (со стороны Месопотамии, или Междуречья).

Параллельно с укреплением исламских сил «развитие» крестоносных государств шло в прямо противоположном направлении. Правление сменявших друг друга на иерусалимском троне слабых и больных королей, внутренние потрясения вследствие борьбы за власть и междоусобиц, кровавые столкновения между соперничавшими духовно-рыцарскими Орденами приводили к постоянно возраставшей политической и военной слабости «франков» в Леванте.

В своей борьбе против соперничавших с ним исламских государств и крестоносцев Саладин искусно использовал политические и военные столкновения между своими противниками. В 1179 г. султан Сирии и Египта одержал блестящую победу над крестоносцами у реки Литанни, притока Иордана, в Келесирии (нынешнем Южном Ливане). Разгромленное Саладином христианское войско обратилось в беспорядочное бегство. Все воины Креста, не успевшие переправиться на палестинский берег Литанни, были изрублены в куски. Среди многочисленных пленных, попавших в руки Саладина, находился и глава (Великий Магистр) Ордена храмовников-тамплиеров, Одо (Одон) де Сент-Аман. Саладин первоначально планировал обменять главу тамплиеров на знатного исламского пленника, но Великий Магистр Ордена Храма, обуянный гордыней, заявил, что «нет на свете сарацина, равного ему», и предпочел умереть в дамасской тюрьме спустя год после своего пленения Саладином.

Чтобы отвести резко возросшую угрозу и получить помощь для оказавшихся в опасности крестоносных государств, Патриарх Иерусалимский Ираклий в сопровождении Магистра иоаннитов Роже де Мулэна и Магистра тамплиеров Арнольда де Торожа весной 1184 г. отплыл на Запад.

В Вероне они были приняты папой римским Луцием III (1181-1185 гг.) и римско-германским императором Фридрихом I Барбароссой (Рыжебородым), но без ощутимых результатов. В январе 1185 г. делегация отправилась в Париж просить о помощи французского короля. Опасаясь своего соперника, короля английского Генриха II Плантагенета, король Франции лично не взял крест, но предоставил Патриарху значительную сумму денег на оборону Святой Земли.

Заручившись письмом от папы римского, 3 просителя отправились в Англию. Преклонив колена перед королем Генрихом Английским, они вручили ему от имени короля Иеруса-

лимского Балдуина IV (1173— 1185 гг.) ключи от «Столпа Давидова» (иерусалимской Башни Давидовой) и от Святого Живоносного Гроба Господня, а также знамя Иерусалимского королевства, желая этим широким жестом побудить его «взять крест». Однако английский король, в свою очередь, опасаясь короля французского, отказался участвовать в Крестовом походе. Впрочем, он также выделил просителям существенную финансовую помощь.

Подлинной катастрофой для христианских владык и находившихся под их управлением территорий стала битва при Хиттине (Хатине) в 1187 г. Эта решающая битва, в которой был «сломан хребет» власти крестоносцев на Ближнем и Среднем Востоке, подробно описана как в «латинских», так и в арабских хрониках. Из описаний средневековых летописцев вырисовывается следующая картина.

В 1185 г. султан Саладин заключил с христианскими государями Святой Земли перемирие сроком на 4 года. Торговля между государствами «франков» и их соседями, почти сведенная на нет вследствие военных действий, ведшихся на протяжении предыдущих десятилетий, была возобновлена. В условиях перемирия возобновилась, в частности, и транзитная караванная торговля между сирийским Дамаском и Египтом через территорию государств крестоносцев.

В конце 1186 г. из столицы Египта Каира (часто именуемого крестоносцами «Вавилоном») в Сирию отправился огромный караван под охраной небольшого отряда египетских воинов. Когда караван вошел в Моав, на него неожиданно напал местный «франкский» сеньор Райнальд (Рейно) де Шатийон, уже успевший к тому времени просидеть 16 лет в тюрьме правителя Дамаска и вписать свое имя в скрижали истории попыткой похитить из второго по значению святого города мусульман – Медины (Ятриба) – гроб с телом пророка Магомета. По его приказу все египетские воины были перебиты, а мусульманские купцы с семьями и товарами заключены в сильно укрепленном замке Керак, принадлежавшем Райнальду. Добыча была столь велика, что «не поддавалась никакому описанию». Вскоре об этом грубейшем нарушении условий перемирия было доложено султану Саладину. Саладин направил к Райнальду посла с напоминанием о святости заключенного договора и с требованием об освобождении пленников и компенсации причиненного им ущерба.

Получив от Райнальда отказ, посол султана Саладина отправился в Иерусалим к королю Гвидону Лузиньяну, чтобы с помощью короля добиться выполнения требований султана Египта и Сирии. Король Иерусалимский приказал Райнальду отпустить пленников и выплатить им компенсацию. Но Райнальд дерзнул не подчиниться королевскому приказу. Война тем самым стала неизбежной. Саладин начал подготовку к окончательному уничтожению государств крестоносцев и велел проповедовать во всех мечетях джихад (священную войну мусульман против неверных).

4. Битва у «рогов» Хитгина.

Прелюдией к решающей битве у «рогов» Хитгина явилась стычка небольшого отряда рыцарей с сарацинами 1 мая 1187 г. В тот роковой день Великие Магистры Орденов Святого Иоанна Иерусалимского и Храма в сопровождении примерно 150 «братьев-рыцарей» выехали из Тивериады в Назарет. У истоков реки Крессон (Киссон), на берегу которой некогда ветхозаветный пророк Илия заколол пророков Бааловых, они натолкнулись на расположившихся там лагерем 7000 египетских мамелюков, отчаянных рубак, всегда готовых к нападению и потому внушавших страх любому противнику. Тем не менее, Великий Магистр Ордена Храма, Жерар де Ридфор, как бы по наущению злого духа, призвал рыцарей немедленно напасть на сарацин. Некоторые крестоносцы стали отговаривать его, указывая на гигантское численное превосходство мусульман. Тогда Жерар публично обвинил их в трусости, во всеуслышанье бросив в лицо верховному военачальнику (Маршалу) собственного Ордена, Жаку де Майи, что тот «видно, слишком дорожит своей белокурой головой, чтобы рисковать ею в бою».

В ответ Маршал Храма пророчески заметил, что он-то никогда не избегал схваток с неверными и сразится с ними и на этот раз, как подобает честному христианскому рыцарю, а вот сам Магистр Храма сбежит, как жалкий трус и ренегат. В общем, рыцарям-монахам не оставалось ничего иного, как атаковать. В последовавшей вслед за тем жестокой резне все они были перебиты.

От рук мамелюков погибли Маршал храмовников Жак де Майи и Великий Магистр Иерусалимского Госпиталя Роже де Мулэн (Рюдигер фон дер Мюлен), изрешеченный арбалетными болтами (а не «дротиками», как можно прочесть у некоторых историков, ибо брошенный рукой дротик-джерид не мог бы пробить рыцарские доспехи) сарацин, «принявших его за самого Святого Георгия». Избежать гибели удалось всего 3 христианам, в том числе... Великому Магистру храмовников Жерару де Ридфору, заварившему всю эту кашу, и благополучно спасшемуся бегством, не получив ни единой царапины! Поле боя осталось за торжествующими мамелюками, отрубившими павшим рыцарям головы и насадившими их на пики для всеобщего обозрения.

После боя при Крессоне Магистр тамплиеров повел себя более чем странно. Проезжая через г. Назарет, он объявил во всеуслышанье, что рыцари разбили сарацин в пух и прах, и призвал жителей идти на поле боя собирать несметную добычу. Поверив Жерару де Ридфору, жители Назарета вышли из города и были перебиты подоспевшими мамелюками почти до последнего человека.

Тем временем по обе стороны границы лихорадочно готовились к войне. И без того огромное войско султана Саладина непрерывно пополнялось все новыми воинскими контингентами со всех концов его необъятной державы. На другом берегу Иордана король Иерусалимский Гвидон неустанно призывал баронов и рыцарей своего королевства присоединиться к его войску у Аккона. Ордены храмовников и иоаннитов, обуреваемые желанием отомстить сарацинам за бойню при Крессоне, привели под знамя короля всех своих пребывавших в Святой Земле рыцарей, оставив для охраны орденских замков и крепостей лишь небольшие гарнизоны.

Кроме того, король Гвидон получил от храмовников солидную сумму денег, предоставленную Ордену Храма королем Генрихом II Английским для финансирования Крестового похода. Король Генрих, в качестве искупления греха совершенного по его приказу убийства примаса Англии – архиепископа Кентерберийского Фомы Беккета – обещал принять участие в Крестовом походе и заранее выделил на это деньги, предоставленные им духовно-рыцарским Орденам, как основной военной силе крестоносных государств. Так, иоанниты получили от него сумму, достаточную для содержания в течение целого года 200 рыцарей, предоставивших

себя в распоряжение Ордена для защиты Святой Земли. Фома (Томас) Беккет, причисленный римской церковью в 1173 г. к лику святых, вошел в историю Англии как соперник Генриха II.

Будучи первоначально другом и фаворитом короля английского, Беккет стал его противником, когда, став по воле короля архиепископом Кентерберийским, принялся защищать в первую очередь «честь и достоинство Церкви», не побоявшись вступить в конфликт с короной из-за вмешательства последней в церковные прерогативы. С ведома короля Беккет был зарублен в церкви 4 королевскими рыцарями. Позднее королю Генриху II пришлось принести публичное покаяние у гроба убитого архиепископа.

1 июля 1187 г. армия султана Саладина перешла реку Иордан. 2 июля она взяла штурмом христианский город Тивериаду и расположился станом у стен захваченного города. Христианское войско, все еще не имевшее единого верховного командования, неоднократно меняло свои планы, как наступательные, так и оборонительные. В конце концов, король Иерусалимский, всегда отличавшийся крайней нерешительностью, последовал совету Великого Магистра храмовников, и христианское войско знойным днем 3 июля двинулось по безводной, раскаленной пустыне на Тивериаду, чтобы отвоевать город у мусульман.

Патриарх Иерусалимский Иракий первоначально собирался присоединиться к войску, чтобы нести перед ним в бою Истинный Крест – главную святыню Иерусалимского королевства. Но в последний момент он отказался от своего намерения, вспомнив о старинном пророчестве, гласившем: «При Иракии Иерусалиму был возвращен Истинный Крест – при Иракии Иерусалим его вновь потеряет». Дело в том, что византийский василевс Иракий (именно при нем этот древний, знакомый еще Гомеру, греческий царский титул начал постепенно вытеснять в византийских титулатуре и сознании римский титул «император») в VII в. разбил персов, захвативших Палестину, освободил Иерусалим и вернул туда похищенный персами Истинный Крест. Решив не искушать судьбу, иерусалимский Патриарх Иракий поручил Истинный Крест заботам епископа Акконского.

План султана Саладина заключался в том, чтобы не подпускать крестоносцев к уже видневшемуся вдали Галилейскому (Тивериадскому) морю (Генисаретскому, или Кеннеретскому, озеру) и вообще к каким бы то ни было водоемам. Христианскому войску пришлось провести всю следующую ночь в безводной местности близ Хиттина. На помощь Саладину пришла поднявшаяся ночью песчаная буря-самум, усилившая мучительную жажду, терзавшую крестоносцев, и скрывшую от них передвижения сарацинского войска. Чтобы увеличить страдания христиан, магометане подожгли кустарник по всей низменности, вследствие чего в лицо христианским воинам повалил густой и едкий дым. Не вынеся всех этих тягот, пехота крестоносцев (состоявшая в основном из уроженцев Сирии и Палестины, значительную часть которой составляли совсем недавно окрестившиеся, а то и некрещеные мусульманские ратники), под защитой которой стояли рыцари Иерусалимского королевства, взбунтовалась.

Пехотинцы короля Гвидона частью перебежали к мусульманам, частью убежали на две горные вершины, возвышавшиеся над равниной (так называемые «рога Хиттина»), не поддаваясь ни угрозам, ни просьбам короля и епископов спуститься вниз и принять участие в битве. Тем не менее, битва еще не могла считаться выигранной мусульманами. Согласно воспоминаниям Малика аль Афдаля, сына Саладина, участвовавшего в битве плечом к плечу с отцом, дальнейший ход битвы выглядел следующим образом.

«Король франков, стоявший на холме с дружиной своих рыцарей, совершил блестящее нападение на противостоявших ему мусульман и погнал их туда, где находился мой отец. Я следил за отцом и видел, что он был сильно озабочен. Мусульмане вновь вступили в бой и загнали христиан обратно на холм.

Увидев, что франки отступают, а мусульмане преследуют их, я возрадовался и воскликнул: «Мы победили!». Однако франки обратились вспять, атаковали вновь, и снова гнали мусульман до того места, где находился мой отец. Но тут мусульмане контратаковали и снова

загнали христиан обратно на холм. И снова я воскликнул: «Мы обратили их в бегство!». Однако мой отец обратился ко мне со словами: «Молчи, мы не сможем одержать над ними верх, пока не падет этот (королевский) шатер (в другом варианте – штандарт – В. А.)!».

И в это мгновение шатер (или штандарт – В. А.), о котором он говорил, рухнул. Мой отец спешился, бросился на землю, вознес хвалу Аллаху и заплакал от радости...».

После этих последних отчаянных, но безуспешных атак рыцарей Креста их сила сопротивления была окончательно сломлена, и христианское войско потерпело полное поражение.

Святой Истинный Крест, который епископ Акконский, вместо Иерусалимского Патриарха Ираклия, нес перед войском, шедшим в бой, попал в руки неверных. Так оправдалось древнее зловещее пророчество. Добравшись до вершины холма, победоносные мусульмане нашли там немногих уцелевших рыцарей, и среди них – самого короля Иерусалимского, лежащими на земле и настолько обессиленных, что они оказались не в состоянии передать сарацинам свои мечи в знак сдачи в плен. Саладин принял разбитых врагов в своем шатре и собственноручно подал королю Иерусалимскому кубок воды (согласно другим источникам – не воды, а прохладительного напитка шербета). Король Гвидон отпил из кубка и передал его стоявшему рядом с ним Райнальду де Шатийону, также взятому в плен сарацинами. По правилам магометанского гостеприимства, всякий человек, принявший угощение от хозяина шатра, переходил тем самым под его защиту.

Поэтому Саладин велел перевести королю, что вода (или шербет) предназначалась ему, а не Райнальду, которого султан назвал нечестивцем и разбойником с большой дороги. В ответ на дерзкий ответ «франкского шайтана» Саладин собственноручно обнажил свой грозный меч и рассек Райнальду плечо, после чего раненый «франкский» возмутитель спокойствия был добит телохранителями султана Египта и Сирии. По приказу Саладина были перебиты также все попавшие в плен к мусульманам храмовники и иоанниты. Остальных христианских пленников угнали в Дамаск, где они были проданы в рабство. А пешие ратники армии крестоносцев, взбунтовавшиеся против своего короля и тем ускорившие роковой ход событий, были беспощадно истреблены сарацинами или сброшены ими живьем с горной кручи в пропасть (и это лишний раз подтверждает предположение, что пехота войска короля Гвидона состояла в основном из мусульман или отступников от веры Магомета – таких Саладин никогда не щадил).

Какова же была численность войск, противостоявших друг другу в битве у «рогов» Хиттина? Согласно «Истории Иерусалимского королевства» (*Historia Regni Hierosolymitani*), «латинское» войско состояло из:

- 1) 1000 рыцарей королевства Иерусалимского,
- 2) 1200 рыцарей, снаряженных на деньги, пожертвованные королем английским Генрихом II Плантагенетом;
- 3) 4000 туркопулов, или туркополов (конных лучников);
- 4) 32000 пехотинцев.

В сравнении с другими свидетельствами современников, эти цифры представляются сильно завышенными. Известнейший исследователь истории Крестовых походов, сэр Стивен Рэнсимэн, на основании изучения многочисленных источников, пришел к выводу, что христианская армия, вероятнее всего, состояла из 1200 кавалеристов (в том числе 300 рыцарей и сервиентов Ордена Храма, такого же числа рыцарей, сервиентов и туркопулов Ордена иоаннитов и 600 светских рыцарей и баронов с оруженосцами и конными слугами) и менее чем 10000 пехотинцев; во всяком случае, он исключает вариант, при котором на 1 конного воина приходилось бы 10 и более пехотинцев.

Что до армии Саладина, то собственное 12-тысячное войско султана Египта и Сирии, за счет притока добровольцев-«шахидов» («свидетелей истинности мусульманской веры») и воинских контингентов, присланных его союзниками, вполне могло составить 18000 человек.

Во всяком случае, в битве у «рогов» Хиттина сошлись две крупнейшие армии, когда-либо выводившихся друг против друга в поле в эпоху Крестовых походов.

Христианские рыцари в своих тяжелых доспехах и на конях, у многих также покрытых броней, превосходили численностью вооруженную аналогично тяжелую «панцирную» кавалерию мусульман и представляли большую угрозу для легковооруженных сарацинских воинов. Однако рыцари и кони, истощенные жарой и недостатком воды, обессилели, и тяжелое вооружение, раскалившееся под лучами беспощадного палестинского солнца, превратилось для них в невыносимое бремя. Что же касается христианских туркопулов, то они значительно уступали легкой кавалерии Саладина в вооружении и боевом искусстве.

Решающую роль в поражении христиан у «рогов» Хиттина сыграло отсутствие единого командования у христианского войска и неблагоприятные условия безводной местности, куда Саладину, изошренному знатоку военного искусства, удалось заманить в ловушку обессиленных долгим маршем под палящим зноем, жарой и жаждой «латинян».

Положение Святой Земли стало поистине отчаянным. Султан Саладин, не торопясь, приступил к ее систематическому завоеванию. Большинство замков Иерусалимского королевства и Самарии ему удалось захватить малой кровью. К концу августа в руках христиан южнее Триполи остались только города Тир, Аскалон и Газа, не считая самого Святого Града Иерусалима. Осажденный гарнизон Аскалона оказал сарацинам мужественное сопротивление, невзирая на то, что приведенные осаждающими под стены Аскалона пленные король Гвидон Иерусалимский и Великий Магистр тамплиеров Жерар де Ридфор призывали осажденных сдаться сарацинам (Саладин обещал отпустить короля и Магистра на свободу в обмен на сдачу без боя христианских городов и замков). Однако аскалонцы отказались сдать город Саладину.

4 сентября сильно укрепленный город Аскалон, чье завоевание в свое время стоило христианам стольких жертв, был взят штурмом сарацинами, предварительно во многих местах разрушившими городские стены при помощи 10 осадных машин и минных работ. В ходе дальнейших боевых действий Саладин не давал пощады никому. Особенно безжалостно султан расправлялся с храмовниками и иоаннитами. Всех рыцарей этих двух Орденов, захваченных в плен, ставили перед дилеммой: обрезание или смерть. Большинство (хотя и не все) из них предпочитали смерть отречению от Христа, после чего их убивали на месте.

20 сентября 1187 г. султан Саладин осадил Иерусалим, а 2 октября вступил в покоренный город. обороной Иерусалима руководил старый рыцарь Байян Наблусский. Святой Град был переполнен беженцами из окрестных деревень и замков. На одного иерусалимского жителя мужского пола приходилось до 50 женщин и детей. В городе имелось лишь небольшое число рыцарей, обладавших необходимым боевым опытом. Байян был вынужден посвятить в рыцари всех благородных юношей старше 16 лет и вдобавок 30 горожан (а вовсе не всех жителей осажденного города поголовно, как в голливудском блокбастере «Царство Небесное!») и выслал в окрестности города отряды для закупки продовольствия на деньги, присланные в дар иоаннитам королем Генрихом Английским, замаливавшим совершенное по его приказу убийство архиепископа Кентерберийского Фомы Беккета (о чем уже говорилось выше). Осажденные «франки» обороняли Святой Град с мужеством отчаяния, но их число было слишком незначительным для обеспечения успешной обороны города от многочисленного, хорошо обученного войска Саладина. Победители вели себя достаточно гуманно и сдержанно.

В городе, где крестоносцы 88 годами ранее ходили по колена (или, по крайней мере, по щиколотку) в крови своих жертв, сарацины никого не убили и не ограбили. Всем иерусалимским христианам была предоставлена возможность выкупить себя на свободу, по цене 10 динариев за мужчину и 5 динариев за женщину или ребенка. Даже к иерусалимским беднякам, не имевшим столько денег, султан Саладин отнесся довольно милостиво и великодушно. 500 бедняков-христиан он отпустил на свободу без всякого выкупа, а его брат бесплатно освободил 1000 пленных недворянского звания. К тому же Саладин дозволил значительному числу

православных христиан – сирийцев и греков – остаться в Иерусалиме под властью мусульман. Тем не менее, основной части иерусалимских бедняков негде было взять деньги для выкупа. С другой стороны, вспыхнувшие среди жителей Иерусалима беспорядки вынудили Орден тамплиеров, иоаннитов и каноников Святого Гроба Господня («сепулькриеров»), а также весьма состоятельного Патриарха Иерусалимского предоставить часть своих сокровищ для выкупа хотя бы части пленных христиан из мусульманского рабства. Еще 7000 иерусалимских бедняков удалось выкупить на остатки суммы, предоставленной военно-монашеским Орденам королем Англии Генрихом Плантагенетом.

Христианские беженцы еще не успели покинуть Иерусалим, как сарацины сорвали золотой Крест с купола храма Живоносного Гроба Господня, удалили все знаки христианского благочестия и очистили мечеть Аль-Акса ото всех следов пребывания рыцарей Храма в ее древних стенах.

На севере Святой Земли в руках западных христиан остались иоаннитские замки Маргат и Крак де Шевалье. Последний был так сильно укреплен, что даже во время вторжения израильской армии в Южный Ливан в 1982 г. (так называемой операции «Мир для Галилеи») успешно использовался палестинскими боевиками как оборонительное сооружение, выдерживавшее многодневный артиллерийский и ракетный обстрел израильтян! Саладин провел свои победоносные войска мимо этих замков иоаннитов, не желая терять напрасно время на их осаду. Он взял штурмом город Тортозу, но не смог овладеть расположенным в нем сильно укрепленным замком тамплиеров. 22 июля 1188 г. Саладину, после непродолжительной осады, сдался город Латакия (древняя Лаодикея) всеете с замком, принадлежавшим Ордену иоаннитов. 29 июля сарацины, после интенсивного обстрела из метательных машин, взяли штурмом огромный, возведенный на горном хребте и считавшийся абсолютно неприступным замок Сахьон, чей небольшой гарнизон, однако, сдался, не выдержав обрушившегося на него ливня стрел и града каменных ядер.

5. Последствия битвы у «рогов» Хитина

В 1187-1188 гг. судьба государств, основанных крестоносцами в Сирии, висела буквально на волоске. Но их существование было продлено благодаря выдающейся доблести ломбардского маркграфа (маркиза)

Конрада Монферратского, ухитрившегося получить в Константинополе титул кесаря Восточной Римской империи (что, впрочем, по ироничному замечанию византийского историка Никиты Хониата, не дало ему ничего, кроме сомнительной чести носить сапоги необычного цвета – согласно этикету константинопольского двора, кесарь имел исключительную привилегию на ношение синих сапог!) и успешно отразившего нападение Саладина на Тир. Неудачей окончились и нападения сарацин на главные города Северной Сирии – Триполи и Антиохию.

Конвент (Верховный Совет) Ордена иоаннитов получил 3 письма-отчета о судьбоносной битве у «рогов» Хитина, содержащие подробное, исполненное глубокого драматизма описание боевых действий и их последствий, несмотря на преувеличенные сведения о силах сторон. Первое из этих писем, датированное предположительно второй половиной августа 1187 г., было написано Великим прецептором Борелем, исполнявшим обязанности руководителя Ордена иоаннитов вплоть до выборов нового Великого Магистра, взамен павшего в бою при Крессоне в мае 1187 г. Роже де Мулэна. Данное письмо было адресовано «Арчимбальду, Магистру Госпиталя в Италии, и орденским братьям по ту сторону моря». Второе письмо, датируемое концом 1188 г., было направлено преемником Роже де Мулэна, Эрменгаром д'Аспом, являвшимся ранее приором Сен-Жилльским, и избранным Великим Магистром в начале октября 1188 г., герцогу Леопольду Австрийскому.

В то время как в первом письме был подробно изложен ход битвы при Хитине, второе письмо содержало подробное описание первых последствий постигшего крестоносные государства сокрушительного поражения. Третье письмо, датируемое 1193 г., было направлено Великим Магистром Жоффруа де Донжоном (1193-1202 гг.) брату Мартину, иоаннитскому приору Венгрии и Богемии (Чехии), являвшемуся ранее настоятелем орденского храма в Праге и подписывавшемуся, начиная с 1186 г. как «М., бывший препозит (предстоятель) Пражский, ныне прецептор Венгрии и Богемии» (*M. quondam prepositus Pragensis, nunc preceptor Unharie et Boemie*).

Хотя владетельные государи Европы на протяжении десятилетий оставались глухи к призывам христиан Святой Земли о помощи, они восприняли утрату Святого Града и других христианских святынь как тяжелый удар. Папа римский Григорий VIII (21. 10-17. 2. 1187 гг.) немедленно обратился ко всем христианам с призывом взять крест, а его преемник папа Климент III (1187-1191 гг.) приложил дальнейшие усилия к возобновлению крестоносного движения. Оно пережило новый подъем буквально повсюду – от Италии и Испании до Дании и Норвегии. Во Франции, Англии и Германии были сформированы многочисленные армии крестоносцев, причем на этот раз под руководством местных государей.

Начало новому Крестовому походу было положено в Германии. Император Фридрих I Барбаросса из династии Гогенштауфенов (Штауфенов), покоритель Милана (перенесший из собора разрушенного по его приказу города в Кельн мощи трех царей-волхвов Каспара, Валтасара и Мельхиора, некогда пришедших в Вифлеем поклониться Богомладенцу Христу) и основатель Болонского университета (1154 г.), заявил о своей готовности участвовать в нем на Майнцском рейхстаге весной 1188 г. Германское войско, состоявшее из 3000 рыцарей, в сопровождении оруженосцев, воинов-кнехтов и большого обоза, выступило в 1189 г. из Регенсбурга с намерением достичь конечной цели похода через Балканы и Малую Азию. Но неожиданная гибель императора Фридриха Барбароссы 10 июня 1190 г. при купании в киликийской реке

Салефе (или, согласно иной версии – при попытке переправиться через нее) привела фактически к срыву похода.

Многие крестоносцы, устранившись смерти предводителя похода, как недоброго предзнаменования, отказались от дальнейшего участия в паломничестве, в результате чего лишь жалкие остатки немецкого войска достигли осенью 1190 г. Аккона, который они вознамерились вооруженной рукой вернуть в состав Иерусалимского королевства. Однако сил у них для этого оказалось недостаточно.

Лишь после прибытия подкреплений из Италии и Германии под руководством архиепископа Герарда Равеннского, Адельварда Веронского, ландграфа Людвига Тюрингского, графа Оттона Гельдернского, Генриха Альтенбургского, Альберта Поппенбургского и Видукинда фон Реда, приведших с собой в общей сложности около 1000 рыцарей и крупный контингент пехотинцев, а также еще более многочисленных армий англичан и французов, упорная и изнурительная осада Аккона завершилась, наконец, капитуляцией осажденных. Город был сдан крестоносцам, а 2700 переживших осаду воинов мусульманского гарнизона перебиты по приказанию английского короля Ричарда Львиное Сердце, раздраженного их чрезмерно упорным сопротивлением, представлявшимся ему неразумным упрямством.

За этот необдуманный поступок Ричарда позднее пришлось поплатиться многим крестоносцам, ибо война приобрела крайне жестокие формы и с мусульманской стороны. Все большее значение для мусульман стала приобретать идея «джихада» или «газавата» – священной войны. Насколько борьба за Святую Землю превратилась в глазах магометан описываемой эпохи в войну за веру, явствует из письма султана Саладина халифу Багдадскому, цитату из которого мы приводим ниже. Данное письмо более наглядно, чем все дошедшие до нас письма «латинян», демонстрирует, что на Западе Крестовые походы стали поистине всенародными движениями. Саладин писал халифу Багдадскому, в частности, следующее:

«Положимся же всецело на милость Аллаха, и пусть та опасность, в которой мы находимся, оживит ревность мусульман... Ибо мы не устаем изумляться ревности неверных и равнодушию правоверных. Взгляни на назореев (христиан), взгляни, в каком количестве они прибывают, как они соперничают друг с другом в ратном деле, как охотно они жертвуют своими богатствами, как они объединяются, как стойко они переносят величайшие страдания, невзгоды и нужду во всем! Нет среди них ни одного царя, ни одного владыки, ни одного острова или города, ни одного человека, будь он даже наиничтожнейшим из всех, который не послал бы на эту войну своих крестьян, своих подданных, который не предоставил бы им возможность проявить свою доблесть на поле славы. Они творят все это, ибо верят, что служат тем самым своей религии, и потому охотно жертвуют своей жизнью и своим имуществом. Будем же надеяться, что Аллах пошлет нам помощь и поможет нам, в своей неизреченной милости, истребить всех недругов, а всех правоверных спасет ото всех опасностей!»

Немаловажную роль во взятии крестоносцами Аккона сыграл английский флот, блокировавший город с моря. Адмиралом этого флота был рыцарь Ордена Храма Робер де Сабль, доставивший в Святую Землю воинский контингент английских тамплиеров. После падения приморской твердыни мусульман храмовники, собравшиеся в акконском замке Ордена Храма, избрали Робера де Сабля своим Великим Магистром.

В Акконе крестоносцами, в числе прочих трофеев, был вновь обретен Святой Истинный Крест, захваченный сарацинами в злосчастной битве у «рогов» Хиттина. Рыцари Ордена иоаннитов, чья главная резиденция с момента потери Иерусалима находилась в крепости Маргат, перенесли ее в Аккон. Раскопки, проведенные в 80-90х гг. XX в. израильскими археологами, позволяют нам составить себе представление о сильных позициях, занимаемых Орденом Святого Иоанна в этом городе – морских воротах Святой Земли.

После захвата Аккона крестоносцами между победителями начались распри. Герцог (не эрцгерцог!) Австрийский Леопольд V, как предводитель всех германских войск, потребовал

признать его равным по положению другим главным вождям крестоносцев – королям Англии и Франции, в знак чего поднял свой стяг (баннер) рядом со стягом Ричарда Английского. Надо сказать, что герцог Леопольд при осаде Аккона храбро бился с сарацинами.

Согласно одной из легенд о происхождении красно-бело-красного австрийского национального флага, после окончания боя за Аккон белый кафтан-котта герцога Леопольда, надетый поверх доспехов, оказался совершенно красного цвета, пропитавшись пролитой им кровью (своей и чужой). Когда же Леопольд после боя снял пояс с мечом, на пропитанном кровью кафтане образовалась узкая белая полоса в том месте, где пояс не дал белой ткани пропитаться кровью. Так, якобы, и было положено начало трехполосному красно-бело-красному австрийскому флагу. Возможно, именно это импровизированное знамя и было поднято по приказу герцога Леопольда над стенами покоренной мусульманской твердыни.

Но возмущенные англичане сорвали австрийский стяг, разодрали его в клочья и сбросили в ров, окружавший стены городской цитадели Аккона. Леопольд воспринял случившееся, как смертельное оскорбление, и затаил злобу на высокомерных англичан. Возможность отомстить их королю представилась герцогу Леопольду, когда Ричард, переодевшись рыцарем Храма, в сопровождении всего 4 слуг, возвращался в Англию морским путем. Его корабль, попавший в шторм на Адриатике, потерпел крушение близ Аквилеи, откуда Ричард продолжал свой путь по суше. Близ Вены он был опознан, схвачен и выдан Леопольдом Австрийским своему сюзерену – римско-германскому императору Генриху VI Гогенштауфену. Генрих VI приказал бросить Ричарда в темницу имперского замка Гогенштауфенов Трифельз близ Аннвейлера в Рейнском Палатинате (Пфальце на Рейне). Ричард просидел в германском узилище более года и был выпущен на свободу только в 1194 г., для чего ему пришлось уплатить 100000 марок серебром в качестве выкупа и принести ленную присягу владыке «Священной Римской империи германской нации».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.